

ЗАПРЕТИ МЕНЯ

МИТЯ ВЕЛЬЯМИНОВ

Дмитрий Вельяминов

Запрети меня

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-1Вельяминов
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Вельяминов Д. М.

Запрети меня / Д. М. Вельяминов — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-749-2

Автор этого романа Митя Вельяминов — человек непростой судьбы, детство и отрочество которого, как и всего его поколения начала 90-х, совпали с тектоническими сдвигами в российской жизни. Тогда советское общество оказалось в пространстве свободного мира, прекрасном и катастрофичном одновременно. Последствия сказались незамедлительно, в особенности на самой незащитной категории россиян — детях и подростках. Уникальность этой книги прежде всего в том, что она написана не сторонним наблюдателем, а одним из тех, кто, испытав на себе страшную силу наркотиков, сумел противостоять своей беде. Именно потому роман «Запрети меня» может оказаться гораздо более мощным подспорьем в борьбе с этим злом, чем увещевания закона, карательные меры и сетования окружающих. Несмотря на автобиографичность книги, все персонажи и ситуации в ней вымышленные.

УДК 821.161.1-1Вельяминов

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-749-2

© Вельяминов Д. М., 2020

© Пробел-2000, 2020

Содержание

Несколько пояснений в качестве предисловия, которого обычно никто не читает...	6
Запрети меня	9
Фрагмент памяти 1	9
Фрагмент памяти 2	18
Фрагмент памяти 3	23
Фрагмент памяти 4	29
Фрагмент памяти 5	31
Фрагмент памяти 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Митя Вельяминов

Запрети меня

Посвящается моей Мартышке

Внимание:

содержит ненормативную лексику и сцены насилия!

© «Пробел-2000», 2020

© Вельяминов Д.М., 2020

Несколько пояснений в качестве предисловия, которого обычно никто не читает...

Черные дыры в памяти – это страшно. Наша память, подобно конвейеру, отбраковывает все лишнее, все, что не привело к созданию новых нейронных связей или к их замещению ввиду разрушения старых. Но что, если речь идет о большой части жизни, о целых месяцах и годах, всплывающих в памяти, как несколько затянувшихся вечеринок?

Этот текст стал результатом поставленного автором над собой эксперимента по восстановлению памяти о событиях, предшествующих продолжительной самоизоляции в горах черноморского побережья. Сначала эта задумка казалась не более сложной, чем утренняя пробежка, и, по предварительным расчетам, требовала лишь восстановления цепочки фактов и причинно-следственных связей, приведших студента Московской школы искусств (чрезмерно увлекающегося алкоголем и препаратами, изменяющими сознание) к необходимости уединения и некой добровольной аскезы, позволяющей укрепить физическое равновесие. Это представлялось задачей на несколько вечеров, но такой срок оказался недостаточным, усилия никаких видимых результатов не принесли, а привели лишь к весьма неутешительным выводам.

Никакой цепочки событий нет. Наша память не записывает слепо всех периодов действий и уж тем более бездействия ее обладателя. В ней сохраняются только самые неблагоприятные поступки, приносящие ее владельцу страдание или же, наоборот, удовольствие. Говорить о причинно-следственных связях не представляется возможным. За объект исследования, то есть временной отрезок, экспериментатор, он же испытуемый, взял предшествующие «опыту» несколько лет, особенно насыщенных действиями деструктивной направленности против собственного сознания и памяти, так как его жизнь до активного злоупотребления «расширителями сознания» вызывает значительно меньшее количество вопросов, а значит, неспособна дать равнозначного количества ответов, которые могли бы увенчать этот эксперимент хоть каким-то успехом. Интерес представляют именно полностью забытые события недавнего прошлого – дни, недели и месяцы, в существовании которых я сам не раз сомневался. Заведомый выбор наиболее тернистого пути при первом же серьезном прорыве показал, что наша память – лишь ряды вспышек, в которых отражаются события прошлого, зачастую никак не связанные между собой. Выражаясь образно, эти фрагменты памяти имеют отдаленное сходство с картой московского метро. Подобно станции, возникает очередной фрагмент памяти, как вспышка света при выезде из тоннеля, затем снова неминуемо черный тоннель, а потом опять фрагмент памяти. Некоторые из них закольцовываются, некоторые уходят в никуда, некоторые образуют пусть весьма призрачные, но все-таки линии. Но не стоит забывать, что карта метро особенно необходима тогда, когда мы нуждаемся в скорейшем выходе. Очевидно, при создании этого текста я находился в конечной точке маршрута, и мне важно не столько обнаружить точку А, сколько воссоздать утраченную, полноценную карту этих пройденных вслепую троп, чтобы случайно не оказаться там заново, не попасть в те же ловушки – и все же выйти.

Основой для эксперимента стала не столько событийная память, сколько восприятие и отклик, которые эти события вызывают сейчас. В ходе эксперимента стало совершенно ясно, что ловушки кроются не только в событиях, косвенно или напрямую влияющих на память, но и в самом ее нейрофизиологическом устройстве. Это побудило меня углубиться в психоневрологию и привело к новым, наивным для академической науки открытиям. Если обратиться к узкоспециализированной литературе, то вот лишь небольшой список эффектов, которые в той или иной форме я у себя обнаружил. Некоторые из них спровоцированы самостоятельно, другие же являются достаточно обычными механизмами самой памяти, которые может наблюдать у себя почти любой человек. Речь не идет о тяжелых случаях амнезии или деменции – эти

заболевания весьма очевидны и поддаются диагностике на самых ранних сроках, – но о процессах, зачастую происходящих с нами в течение жизни и протекающих в значительно более мягкой форме, отчего они и остаются почти незамеченными, при этом оставляя глубокий разрушительный след, срабатывая не по принципу блицкрига, подобно болезни Альцгеймера, а значительно более изящно – словно диверсионный отряд внутри сознания. Вначале каждого из нас поражает детская амнезия, наступающая по достижении четырех-пятилетнего возраста, когда в процессе формирования новых нейронов вытесняется более хаотичная память, присутствующая динамичному гиппокампу (участвующему в механизмах формирования эмоций и консолидации памяти), характерному для нас до семилетнего возраста. Этот факт убедил меня, что и в последующем наша память не раз повторяет подобный пируэт совершенно против нашей воли, ведь одна из ее важнейших функций направлена на сохранение психики, то есть на забвение. Другое дело, что эта защита далеко не всегда срабатывает в нашу пользу, особенно когда человек злоупотребляет алкоголем. Уже на ранних стадиях, когда мы забываем события вчерашнего вечера, можно говорить о синдроме Корсакова с поистине нокаутирующими последствиями, такими как невозможность запомнить происходящее при относительной сохранности памяти о прошлом, – правда, с такими корреляциями, как парамнезия, выражающаяся в наличии ложных воспоминаний и имеющая более точные названия «конфабуляция» и «криптомнезия». Это ситуации, в которых прочитанное или увиденное может быть воспринято как часть собственной жизни, а зачастую, наоборот, сама жизнь начинает казаться романом или фильмом. На этом явлении уже давно не без успеха паразитируют киноиндустрия и беллетристика с их страстью к сюжетам о неуловимом шпионе, безостановочно повторяющем один и тот же алгоритм действий, и, как ни странно, подобная продукция приходится по вкусу массовому зрителю. Все-таки киноиндустрия никогда не пренебрегала нейробиологическими и психоневрологическими аспектами влияния. Но все эти проявления синдрома Корсакова, которые я, разумеется, обнаружил у себя, – нечто вроде дробинки или эффекта Пика (который без особого труда можно диагностировать у себя после тридцати лет) в сравнении с по-настоящему убойной алкогольной деменцией. Вот она-то оставляет весьма скромные шансы на продолжение полноценной жизни после поражения лобных долей головного мозга, дисфункции периферической нервной системы и развития психозов, начинающихся с массовой гибели нейронов в результате длительного токсического воздействия продуктов распада этанола на структуру мозга. Особенно когда к этому присоединяется воздействие на мозг еще более антигуманных препаратов вроде метамfetамfина, вызывающего депривацию сна, гибель нейронов и психозы на фоне истощения организма. Тяжесть ситуации состоит в том, что первые проявления алкогольной деменции не так уж труднодостижимы и знакомы почти каждому, кто хоть раз испытал алкогольное отравление. Все эти данные, отслеженные мной уже в ходе эксперимента, привнесли ясность в причины возникновения черных дыр в памяти. Но одно из самых впечатляющих для меня открытий лежало совсем в иной плоскости, чем нейробиология.

Само наше время сверхскоростного интернета, информационных войн, социальных сетей с бесконечной лентой медиасобытий, миллионов навязчивых рекламных носителей, сверхдешевых наркотиков и легкодоступных сексуальных партнеров, не оставляющих и следа переживаний, низводит память до уровня не имеющего практического смысла рудимента вроде аппендикита. Само наше время убивает память. Этот текст – попытка восстановления одной субъективной реальности в надежде, что при столкновении с ней в каком-то фрагменте будет извлечена реальность объективная. Эта возможность покуда не утрачена и по-прежнему обгоняет бесконечный рост технологий, в частности 3D-кинематограф, который и поныне остается чем-то вроде «электрических снов наяву», как выразился поэт Александр Блок. Разве что теперь эти сны стали привычными и их никто не запоминает.

Объективная реальность – понятие весьма спорное и едва ли существует в рамках одного индивидуума, но, если предположить, что ее отражение содержится в бесконечном множе-

стве реальностей субъективных, этот текст такое отражение запечатлел. Запечатлел и воссоздал ее, оставив наиболее точный отпечаток, пусть довольно грубый и порнографичный, но, как говорил Мак Мерфи в фильме «Пролетая над гнездом кукушки»: «Я хотя бы попробовал». Возможно, это подтолкнет кого-нибудь к эксперименту по «вспоминанию» собственной реальности не десяти-, а двухлетней давности и воскресит память духовную и эмоциональную, не запечатленную в снимках инстаграма (который в числе прочих виртуальных ресурсов уже давно взял на себя ее функции), чтобы засвидетельствовать жизнь на нашей планете. И, возможно, этот кто-то придет к той же мысли.

Стоит завершить это повествование словами французского философа-интуитивиста Анри Бергсона: «По правде говоря, все восприятие уже есть память. На практике мы воспринимаем только прошлое, а собственно настоящее есть лишь ускользающее продвижение прошлого, пожирающего грядущее». Бергсон придал понятию «память» новую глубину и дополнил сухие научные сведения, связав память с духом и утвердив именно дух в качестве независимой реальности. Это вдохновило таких мастеров литературы, как Марсель Пруст, чей цикл «В поисках утраченного времени» в какой-то степени есть попытка извлечения из глубин сознания памяти духа, памяти эмоциональной. Битники продолжили эту традицию. Но разве в наше время берут в расчет подобную ерунду? Наше время требует краткости – требует истории болезни.

Запрети меня

– Отличный вид.

– Да, только день отвратительный.

Из диалога международного экипажа станции «Мир» во время аварии, вызванной столкновением «Прогресса-М34» с модулем «Спектр» 25 июня 1997 года

И в целом я ебал такой футбол...

Саша Скул

Фрагмент памяти 1

Единственный способ, которым я лечился от гриппа в те времена, когда над Москвой еще висел огромный логотип фирмы «Мерседес», наркотики продавали face to face, а призрачная Hidra не наводнила города закладками с новой жестью, состоял в том, что я плевал на рельсы метро утренней гашишной мокротой и ждал, пока многотонный состав раздавит и разнесет по всему железнодорожному полотну извергнутые мной частички утренней боли с привкусом зубной пасты, купленной по акции. Поезд скрипел тормозами точно на том месте, куда я плюнул, и уничтожал слюну своим весом. Пожалуй, только в такие моменты я испытывал чувство относительного реванша, хотя и догадывался что всем нам, сидящим на «тяжелой кухне», скоро конец. Невольные свидетели моего чрезвычайно несимпатичного поступка, зевавшие на платформе в ожидании состава или потом ехавшие со мной в вагоне, неловко улыбались, случайно встретившись со мной глазами. Но мне всегда все прощалось в силу невинной внешности, за которой на самом деле редко скрывалось что-либо, кроме порочности, которую я моментально готов был проявить, если в этом возникала необходимость. К тому же эта станция метро находилась на окраине города, где никто не обращал внимания на такие мелочи, как свернутые носы и раскуроченные в кровь лица людей, по вечерам (впрочем, как и по утрам) возвращавшихся из местных дешевых наливаяк...

Мне-то уж точно было наплевать – я лишь надеялся не узнать в них кого-нибудь из знакомых, чтобы не разоряться на платок для раны, если она еще кровоточит, и не разориться в принципе. В благодарность за платок рискуешь, пока тебя будут придерживать за рукав рубашки ладонью в запекшейся крови, услышать историю о том, как лицевые счета оказались под административным арестом. После чего тебя станут уговаривать сказать данные своей карты, куда перекинет деньги жена с карточки сестры, а тебе останется только перевести эту сумму на номер незаблокированного Qiwi-кошелька... В те годы общество еще не так четко разделялось на представителей мира биткоинов, обладателей наличности и большинства, пребывавшего под гипнозом пэй пасс, – но аромат этого будущего уже витал в атмосфере. От такого предполагаемого знакомого, помимо проебанной из-за уличного метадона жизни и ссадины, воняло бы еще и нехитрыми познаниями довольно криминальных алгоритмов с применением интернета и подставных сим-карт. Но на то он и твой знакомый, чтобы ты знал, что его жена не может перевести ему никаких денег, так как сама сидит по 228-й. Ты отвечаешь, что если он еще раз тронет тебя окровавленной рукой и обратится к тебе с чем-нибудь подобным, то над ним вряд ли будут скорбеть и помнить, как Анну Каренину. Скорее всего и имени этого уебка в поддельных «Изи бустах» никто не вспомнит, кроме чувака на том конце Qiwi-кошелька. Всех «на районе» будет заботить только один вопрос: в какой момент этот вечно раз-

мазаный где-нибудь на углу обсос стал с таким изяществом владеть технологиями Джеймса Бонда?

Хотя, в общем-то, к этому, как и к людям с разбитыми лицами в метро, уже привыкли, ведь почти всем понятно, что «высокие технологии» не обещали сделать нашу жизнь комфортнее и тем более лучше, как вещали их продавцы. Но на окраинах больших городов – в одном из таких мест, где я вырос, – просто много покупателей. Особенно покупателей «счастья» и «будущего», которого в нашем северном климате так мало, что его принято рисовать на стенах муниципальных учреждений, за которыми обычно колются (как это не раз делал ваш покорный слуга, чтобы не иметь при себе слишком много). К тому же к употреблению на месте меня не раз подталкивала мысль, что «счастье» – процесс довольно нервный и, возможно, я не там его разыскиваю... Разное приходит в голову, когда ищешь вены и из темноты на тебя явственно надвигаются несколько молодых людей с фонариками. В этот момент ты и проявляешься сполна: кто-то дает по тапкам, кто-то давит на поршень до конца и принимает супердозу, лишь бы не попасть в лапы «полиции счастья». Одно точно – в такие моменты все видят свою жизнь в ином свете: полицейская облава эффективнее тренингов личностного роста и поездок в индийские ашрамы. Поиск себя в холодном ночном лесу совместно с группой вооруженных специалистов, занятых с тобой одним и тем же делом и готовых сопроводить тебя к духам раньше времени, если ты собьешься с пути, – неплохое подспорье. Сопоставим с ним только момент, когда ты уже уютно обернулся в потолок и безучастно смотришь на всех этих клоунов, которые сразу начали искать в комнате твои заначки, не потрудившись даже накинуть простынку на твоё нагое передознувшееся тело. Да, на окраине все исчезают быстро... порой как и ты сам.

Правда, я ожидал немного другого от того субботнего вечера. Моя девушка Даша уже где-то гуляла и активно звонила мне на мобильный телефон. Моя девушка Даша всегда больше думала о том, какую дорожку ей выбрить на киске, чем о том, как и с чем я проснусь, вот что можно сказать о моей девушке. Я очнулся дома один от этих бесконечных звонков. Мне было совсем плохо, я лежал голый на диване, в квартире никого. Плохо от того, что до этого я дней пять уничтожал шесть граммов мета, что привело к полной отключке. Чтобы выспаться, пришлось выпить литр дешевого вермута из супермаркета внизу. Даша смылась, не оставив ничего. За окном тревожно шелестели тополя. С дивана я приземлился в плохом состоянии, но, пока шел до туалета, ощутил, что все еще немного пьян – это не придало шелесту тополей нежности, но этим стоило воспользоваться. Я надел шорты, футболку, солнечные очки, в коридоре взял деньги и вышел. В магазине внизу прикупил пару банок пива, вышел на улицу и присел на скамейку, чтобы очнуться.

На стене у подвального магазина аэрозольная надпись «спайс-соль» и номер мобильного, рядом кто-то подписал «убийцы». Мой квартал на юго-западе Москвы – по сути яма из пяти пятиэтажек. Здесь развиваются brutальные сюжеты для brutальных людей. На кривых ножках вдоль оврага спускается сутулая девочка лет семнадцати. Я уверен – ее изнасилуют. Чтобы видеть сюжет мрачной подворотни заранее и насквозь, нужно быть человеком особого склада ума, который, входя в магазин за новыми кроссовками, выбирает их из критерия, хорошо ли на них будет смотреться кровь с ебала, неважно, своя или чужая, хорошо ли алый ляжет на белый. Надо признаться, этот человек – я.

Я не помню, что было вчера. Со мной это часто, поэтому сначала я просто осматриваюсь и, если не нахожу свежих следов разрухи и какого-то качественно нового страха в глазах соседей, немного успокаиваюсь. Возможно, сегодня легавые не нагрянут. В окнах девятиэтажек, чуть поодаль, горят кредитные плазмы. Смеркается, и в окнах мерцает синеватое свечение центральных телеканалов. За домами – опустевший осенний пустырь, и столбы вдоль дороги с каплевидными электрическими фонарями смотрятся словно слезы, оплакивающие это жалкое

наркоманское местечко. Меня колотил отходняк, но я пренебрег советом старого подольского опиушника и присел на лавочку у магазина выпить пива.

«Знаешь, Митяй, надо двигаться! Кумары не кумары, главное – движение. Край начинается тогда, когда ты садишься на лавочку у подъезда с банкой пиваса, вот это уже невозврат». Помню, когда он говорил это, я только обратил внимание на его сильно загорелую шею и затылок и, напротив, совсем бледное лицо. Видимо, перед тем как родить на свет эту сентенцию, он уснул где-то лицом в лужайку на ярком солнышке.

Сзади с балкона кто-то смачно харкнул. Мимо прошла толпа местных пацанов-оборванцев, меня они заметили сразу, но здесь, у станции метро «Метафизическая», я, собственно, и вырос, во взгляде это отразилось. Этот взгляд – как пропуск в подворотню и притон. За долю секунды им становится неинтересно на меня смотреть, и они проходят, так же тупо не зная зачем и куда. Впереди я замечаю парня, которому они завидуют – пацана в капюшоне, паркующего свой «Порше» золотистого цвета с литыми дисками. Если они идут к нему, то за эти пять минут я уже вычислил нового мефедронового барыгу, которого еще не сломали местные опера, – в среднем такая история успеха длится шесть месяцев.

В гору к дальней панельке поднимается мрачный работяга и тащит детский велосипед. Ему надоело смотреть, как сынишка пыхтит на четырех колесиках, он просто тащит это китайское убожество и матерится на плетущегося позади с обиженным видом трехлетнего ребенка. Еще одна велосипедистка спускается к магазину. Забавно смотреть, как неуклюже, но упорно она крутит педали. Видимо, это ее пацан гоняет ее за бухлом. Через минуту она уже вышла из магазина со звенящим пакетом и на первой и седьмой скорости поползла вверх к девятиэтажке, возле которой кончается асфальт и начинается теплотрасса. Она так энергично крутила педали, словно ехала не в ад. Местный шериф, проезжая мимо, пытался заглянуть мне в глаза. На детской площадке играет ребятня лет трех, одного из них зовут Артем, и он нещадно херачит другого, которого зовут Илья. Мысленно я поставил на Артема – он уже разбил Илье губу, подвыпившая мама Артема не выдержала и крикнула:

– Илья, ну напинай ему в ответ!

Илья сдался и убежал за качели, а разъяренная мамаша взяла Артема за руку и повела прочь с детской площадки. Только Артем уже вошел в раж и теперь херачит кулаком по жирной ляжке своей матери. И теперь вряд ли удастся остановить его – он вник в этот кайф. Насилие неслабо снимает стресс.

Местечко это одно из последних на земле, где по вечерам престарелые жители подъездов до сих пор вываливают во двор развесить белье, присесть на лавку и посмотреть, к кому сегодня придет реанимашка. Как бы проверяя гипотезу о том, что жизнь – это не лотерея по выдаче мультиварок и магнитов на холодильники, а конкретная бойня. Вся лотерея состоит в том, что каждый новый день просто и незатейливо предлагает тебе сломаться.

Мою лавочку уже занял дед с полной обоймой золотых фиксов, как у Old Dirty Bastarda из Brooklyn Zoo, с пивасом и пуделем. Пуделя, чтобы тот просрался, по всей видимости, деду вручила его старуха.

– Ничего, что занял твое место?

– Оно не мое.

Дед был громадный, можно предположить, что в молодости он тягал штангу, рельсы и, судя по наколкам, северные леса. Пудель был сильно отпидарашен различными бантиками и декоративной стрижкой. Дед заметил мой взгляд, сурово хлебнул из своей полторашки разливного и, глядя вдаль, сказал:

– Это все моя старуха с ума с ним сходит, внуки уехали в Штаты.

Я глотнул пива, и мы немного поговорили о погоде, о том, что скоро кончится лето и будет полная жопа, сейчас только спала жара.

– Но сначала будут дожди, будет много воды в этом году, – сказал дед, – лето было сухое.

– Тварь ебаная! – доносилось с конца двора.

Как прекрасное видение мимо проплыла телка с таким бампером, что он привнес в брутальную реальность необходимую каплю прекрасного – чтобы все это не расщепилось на атомы в моей голове. Дед тоже неслабо залип на жопу брюнетки в красном платье, как и пудель, как и я.

– Знаешь... – сказал дед, – ведь люди – это тоже вода, только она вышла из большой воды и уже успела забыть об этом. Поверь, я прожил долгую жизнь. Друзья, родители, бляди, сокамерники, жены, дети – все они имеют лишь одно свойство: текучесть. Как эта жопа, которая уплыла. Только вода ведет себя так же. От этого, ты замечал, когда идет дождь, люди чувствуют себя слегка неловко. Вода дает всем нам вспомнить о своей первоизданной природе, и вот в такие моменты каждый чувствует в себе эту капельку зла.

Я был бы рад продолжить разговор, но все же вежливо попрощался, пересек сквер и вошел в бар напротив, чтобы прийти в себя без лишнего кипиша и тревожных тем типа расставания с любимыми, которые так любят старики. Заведение на любителя – с кривым столом для пула, покинутым шестом для стриптиза и барной стойкой, за которой прятался самый ушлый омерзительный в мире тип с засаленной лысиной и в черной футболке с названием этой ямы. Он никогда не смотрел в глаза. Барная стойка была довольно высокой, и он стоял немного поодаль, за кассой, с тем расчетом, чтобы его нельзя было достать рукой. Этот бармен разбавлял огромным, как айсберг, куском льда почти все, что лил из канистры вместо виски и рома. На левом бухле он сделал целое состояние. Хотите коктейль «Манхэттен»? В лучшем случае вы выпьете не метиловый спирт, но так или иначе это будет отравка из технички. Он не любил меня не за сломанный кий или пару спровоцированных драк, а за то, что, в отличие от местных завсегдатаев, я знал, как выглядит нормальный бар, и никогда не упускал возможности это обсудить с ним. Но и сюда все же привозили «Гиннес» официальные поставщики – двести двадцать за стакан, и только под пристальным взглядом этот пидор наливал его до краев. В такие моменты я видел, как ему становится хуже, чем мне.

Я сел на круглую табуретку и положил двести пятьдесят монет на стойку, кивнув на кран. Бармен старался делать вид, что смотрит баскетбольную трансляцию НБА на экране, висевшем в углу у входа.

– Что нового? – спросил я

– Ночью подростки завалились уже в ноль, взяли по пиву, распугали всех клиентов, до всех докопались, кто-то вызвал наряд. Но пэпээсники просто медленно проехали мимо, когда увидели толпу на выходе. В итоге одному парню сломали челюсть. Ровно на две половины раскололась, его занесли внутрь, до приезда скорой он так и не пришел в себя, просто так и лежал с кривой, как у бульдога, рожей. Хороший клиент был.

– Не волнуйся, хорошему клиенту геометрично наложат штифты, со временем он отойдет, захочет выпить, для начала сделает это дома и только потом уже, когда посмотрит в зеркало, примет единственно верное решение – в первую очередь сжечь твой подвал.

Бармен скривился, налил мне еще и ушел в подсобку. Больше здесь никого не было, кроме уборщицы-азиатки. Она отмывала какую-то липкую херню под столом вдоль стены, но иногда останавливалась и смотрела на черных мужиков с мячом, зарабатывающих миллионы. Когда она замечала, что я пялюсь на нее через зеркало над стойкой, она вновь принималась за липкие пятна. Я давно ее знаю, начальник совсем ее задрочил. В общем-то, только она и исполнила в этом подвале стриптиз – мучение, заряженное в фартук, вытертые джинсы-стрейч и водолазку. Ее партнером по танцу был не метафизический фаллос, а швабра, а сценой служили любые поверхности с лужами крови и блевотины. Особенно в сортире, где какой-то подросток ключом или железной заточкой прямо на плитке, крупными латинскими буквами, с большим интервалом вырезал слово K A I F и свастику. Ей часто приходилось выкруживать свои танцевальные элементы вокруг несчастных, которые продолжали кровоточить или мочиться мимо

унитаза. Иногда это бывал я. Несколько раз, когда был особенно пьян, я приглашал ее на настоящий танец, но она просто сбежала в подсобку.

Кажется, она вообще никогда не выходила из этого подвала – если не собирала осколков под барной стойкой, то отмывала лестницу на входе. Смуглая кожа на ее руках совсем побелела от содовых растворов, которыми она вылизывала то, что через пятнадцать минут заблюют снова. Думаю, белизны начальник от нее и добивался. Она истончалась в своем танце, понемногу сдирая с себя кожу. Иначе и быть не могло в месте, где посетителям сносят челюсти и крошат ребра. Свидетели танца уборщицы теряли здесь не только внешние атрибуты красоты – здесь все без исключения лишались внутренних органов, хотя бы оттого, что пили эту сивуху, играя с циррозом, словно тореро с разъяренным быком. Правда, раньше здесь была настоящая танцовщица, но ее увезли в подержанном «Субару».

Когда снова позвонила Даша, я вполне ожил и смог ответить, она сказала, что к ней приехала из Штатов подруга, с которой она хочет меня познакомить. Сказала, чтобы я шел домой и там, в сабвуфере, в дыре колонки, нашел шишку сканка, взял ее и приезжал к ним в центр. За это она будет любить меня, как никогда прежде, – возможно, ее подруга тоже. У меня не было сил сопротивляться, я согласился, хотя знал, формулировка «как никогда прежде» звучит довольно сомнительно. Пришлось дать бармену еще пятьсот рублей. Он, кажется, приготовился сказать что-то про сдачу, но тут вспомнил про те двести пятьдесят, вернул мне их и полез под кассу искать мелочь. Я остановил его дружеской улыбкой. Мне стало нормально, я направился к выходу. «Ну, вот, – думал я, – из этого дня что-то начинает складываться. Сейчас найду сканк, сниму пробу и поеду получать всю ту любовь, что мне пообещали».

Перед тем как снять пробу, оставалось только зайти в душ. В ванной из зеркала на меня смотрел довольно крепкий пацан. Я даже проникся доверием: челюсть немного выдвинута вперед, недельная небритость и этот взгляд «спокойствие и сила», думал я.

Вода отрезвила, голова отяжелела, челюсть задвинулась назад, почувствовав это, я выскочил из ванны, надел свежие трусы, побежал к сабвуферу и засунул пальцы в дырку с обратной стороны, только слишком резко. Кончиком среднего пальца почувствовал, как шишка провалилась внутрь колонки. На часах уже восемь. Я потряс саб, звук был глухой, шишка угодила в ловушку. Этой тряской я мог только навредить ей. Я побежал в коридор за отверткой.

«Нужна маленькая крестовая», – думал я.

После душа было немного прохладно, и в ящике с инструментами обнаружилась только простая. Крестовую я одолжил Давиду еще прошлой осенью, когда он по ночам скручивал плазмы в закрывавшихся летних кафе. Зато в ящике был молоток – девочки ждали. Я взял молоток, отвертку и решил, что просто вскрою верхнюю крышку и непременно почию все ночью. Справлюсь с этим дерьмом. Через минуту я раздолбал сабвуфер в хлам, но внутри было кое-что еще, шишка тянула на полтора грамма и неслабо воняла, но в самом углу, у нижней стенки я обнаружил граммовый целлофановый пакетик с кремово-белым порошком. В этот момент мне припомнилась лучшая роль Гарри Олдмана в фильме «Леон-киллер».

Я взял в руки шарик и вспомнил реплику Олдмена про минуты затишья перед бурей – он сыграл настоящего злодея, не дешевый обсос типа Джокера в «Темном рыцаре». Хит Леджер вообще не тянет вместе со всеми агентами Смитами и наемниками из «Убить Билла», даже Аль Пачино в «Адвокате дьявола» не столь чистое, кристаллическое зло, как Гарри Олдман в поисках наркоты. Доктор Лектор, Роберт Де Ниро в фильме «Сердце ангела» – первоклассные монстры, но все они немного нелюди: они утрированы и наделены нечеловеческими способностями, что, конечно же, низводит их в первую очередь в разряд киногероев. Гарри Олдман сыграл обычного человека, опера из моего районного ОВД. В «Леоне» есть сцена с устроенной им кровавой баней, но в ней он смотрится даже не так зловеще, когда просто раз-

говаривает с другим человеком. Пожалуй, на олимпе абсолютного, стопроцентного кино зла он делит место только с Джеком Николсоном в «Сиянии». Но ужасен не столько сам герой, сколько история, рассказанная в этом фильме, и теория Кубрика о том, что самое жуткое не враждебность вселенной к человеку, а ее безразличие к нему. В этом фильме это передано на все сто. Самое страшное зло проявляется не в персонажах из комиксов, а внутри самых обычных героев, ощутивших абсолютное равнодушие к себе вселенной. У Кубрика виден процесс, детали того, как это происходит. За этим можно наблюдать и это анализировать – в случае с героем Гарри Олдмана это уже случилось. Он с самого начала на волне, никаких сверхспособностей, просто обычный человек делает свою работу.

«Я любил этот саб, с его мощными басами и графическим эквалайзером – последнее на тот момент слово техники в домашнем звуке. Дальше шли только студийные мониторы», – думал я, пока готовил раствор.

Я положил кисть руки на колено, закинул ногу на ногу. По кислотовому, горькому запаху это был амфетамин. И он оказался чистым, давление и пульс подскочили. Я извлек иглу. Салфетка для интимной гигиены уладила все детали. Меня нахлобучило, из приемника на кухне звучала композиция Гея Марвина «Inner City Blues». Я еще раз подошел к зеркалу в ванной – два черных зрачка на белом фоне. Радужка глаз практически исчезла, но по мышцам во всем теле пошла волна такой легкости, что казалось, я могу запрыгнуть на Луну, было бы желание. Военные летчики в начале прошлого века знали толк в наркоте. Под этим дерьмом можно завоевать полмира: амфетаминовые блицкриги целой армии под командованием вмазанного первентином фюрера это подтверждают. Мои же глаза подтверждали, что амфетамин лишает человеческого облика.

Сверхлюди – в превратном понимании труда Ницше национал-социалистами – были не столько абсолютные арийцы, волевым усилием преодолевшие сомнения и ложную мораль, навязанную религиозными сектами с еврейскими большевиками на пути к обретению вечной борьбы, сколько фрустрированный инфляцией и обманутый в своих имперских ожиданиях средний класс времен посткайзеровской Германии, приблизившейся к люмпен-пролетариату, с которым уже начала заигрывать коммунистическая гидра и нивелированная буржуазия, лишенная политической воли. Точнее, и не имевшая ее вовсе ввиду наличия в прошлом крепкой руки кайзера и отсутствия предшествующих реформаций, таких как французская буржуазная революция, что оставила Германию не у дел в делении колониального пирога. Европейской страной на отшибе с огромными контрибуциями, неподалеку от набирающих мощь «диких славян» в то время, как во всей остальной Европе, уже всюду наращивали свое влияние англосаксы. Одним словом, сверхлюди появились совсем не по причине особой чистоты генетического кода, на практике это были раненые под химией.

Я смотрел на свои глаза и понимал, как выиграла Олимпиаду в 1931-м и с успехом продолжают делать это по сей день, понимал, как совершаются восемь боевых вылетов за ночь. Это не человеческие глаза – мне стало немного страшно, я явно вогнал в себя чистый лабораторный амфетамин без какой-либо присыпки, стал себе личным доктором Моролем и, кажется, достиг определенных успехов в своем ремесле.

В этих размышлениях я совсем забыл о девчонках и о предстоящей встрече. Я думал о том, что и я в каком-то смысле последний ребенок Империи. Конечно же, не самый последний, но один из этого выводка. Восемьдесят восьмого года рождения. СССР не стало через несколько лет после моего появления на свет. На кухне у родителей, когда мне был год, играл Sex Pistols. Мама была студенткой театрального училища, папа занимался каким-то бизнесом, связанным с валютными операциями, за что до путча давали десятилетние сроки. Я помню танки и комендантский час в городе, сейчас все это кажется призрачным. Помню, как танки исчезли, но на улице остались коренастые парни в спортивных костюмах и кожанках. Комен-

дантский час после девяти еще долгое время существовал негласно. Наш дом выходил окнами на стихийный рынок у метро, с первыми коммерческими палатками со сникерсами и спиртом «Рояль». Там этих парней было особенно много. Помню, как папа моего друга по лестничной площадке ночью на пустом прилавке этого рынка нашел лимонку с чекой – она просто лежала. Хотя, может быть, это была версия для домашних. И помню, как бывший генеральный секретарь партии, проще говоря, император одной шестой части суши, стал рекламировать Pizza Hut – и даже в пять лет я понимал, что это падение, которое мне придется разделить вместе со всеми. Наша семья еще как-то перебивалась, соседи по подъезду ели собачьи консервы. В гости к папе периодически приходили друзья – прятали сумки, забитые деньгами, прятались сами. Я особенно запомнил двоих, которых убили. Один был низовым бухгалтером «Лунной» группировки, его застрелили. Затем мама с папой развелись, а я пошел в школу. Мне выдали учебники, они были на русском, но напечатали и издали их американцы. Учителя иногда удивлялись новой версии истории, но, подобно Гарри Олдману из фильма «Леон», делали свою работу. Само это время вместе с мрачной реальностью на улицах Москвы, где каждый от мала до велика или подражал бандиту, или действительно им был, становясь ретрансляцией бесконечной криминальной хроники из телевизора, подходило только для воспитания убийц. Рухнувшая Империя с искалеченными людьми, нуждающимися в допинге.

Водка, героин- и кодеинсодержащие с начала девяностых до конца нулевых стали столь же популярны, как бензин. Свободный рынок оказался в руках несвободных людей, привычных к отсутствию личной ответственности – помимо лагерей и каторги, конечно же. Все решала партия. Она задавала образ будущего, она назначала врага, наделяла решимостью в борьбе с ним. Она снабжала своих бойцов «званиями» и «оружием». Она разрешала выпить и опохмелиться, но регулировала этот процесс – не более двух бутылок в руки и желательного согласно календарной дате. Все, что выходило за эти рамки, имело свою негативную классификацию, прицалось и зачастую вытеснялось из социума карательными мерами.

Новое время и новые руководители идею не создали, «назначения» упразднили, «винтовки» отобрали, а если оставили, то лишили регалий и героической миссии. Теперь, если ты был штамповщиком на конвейерной ленте, то ты им и был – ты больше не «строитель коммунизма», работающий на победу в холодной войне, ты штамповщик. Сотня бутылок водки в твои руки. Если хочешь, можешь затариться еще и метадонем в любой день. Враг, конечно, остался, но в новой войне ты не почувствуешь, она медийная – бесконечный обмен медиаатаками. Можно, конечно, проявить себя в интернете, став клиническим параноиком, но физической энергии на это не требуется. Действия нет, а тебя воспитали воином в лишениях и атмосфере невербального насилия, с самого детства тебя готовили к войне, затем твои условные враги напечатали твои учебники. И тут на помощь приходит свободный рынок. В отсутствие доступа к телу врага поневоле начинаешь убивать себя.

И я – вероятно, как человек не полностью бесчувственный – не смог остаться в стороне от этой обреченной на победу войны, как и многие другие с участием русских. Войны против самих себя, против тех убийц, которых из нас на последнем дыхании выковывала капитулировавшая Империя, оставив своих последних детей, как партизанский отряд, сражаться самостоятельно. Нам выдали новые паспорта и конституцию, но это осталось незамеченным – тактика боя и стратегия неизменны. Если бы мы были какими-нибудь морально неустойчивыми, мы бы давно сложили оружие – но мы здесь, на своем месте, в своих траншеях, и в нас по-прежнему летят снаряды. Снаряды кайфа. Никто не считает наших потерь, но пополнение прибывает регулярно.

Вспомнив про шишку, я раскромсал ее на столе и решил немного сгладить разгон.

Дом я покинул уже поздним вечером, так и не дождавшись такси. Машина реанимации попала в пробку, я лежал на кушетке, через люк в крыше я видел, как работает сирена. Белая

надпись «выход» на стекле люка на случай автокатастрофы в моей ситуации вела в вечерние тучи – видимо, сегодня там было особенно людно, меня откачали.

Машина сигналила в застывший безучастный городской поток автомобилей. Мы встали в крайней правой полосе, вероятно, на Ленинском – по ширине неба я мог предположить, что это проспект. В кабине водителя работала магнитола, по радио звучала композиция «Summertime» в исполнении Эллы Фицджеральд. Ее голос наполнял салон особой магией и теплотой, смягчая ощущение от пронизывающего удара в грудь, которое осталось после разряда тока. В первые секунды я не различал ни лиц, ни слов из разговоров врача с медсестрой, затем услышал: «Доброе утро, придурок! – и потом довольно сочувственное: – Знаешь, куда мы тебя везли?»

Все, что я запомнил до удара в грудь, свидетельствовало, что даже со вставшим мотором я все прекрасно понимал. Сначала ты делаешь себе инъекцию смертельной дозы, затем еще одну, но, оставаясь на ногах, глубоко затягиваешься сканком и, выдохнув, теряешь сознание. Я упал возле дивана, и мне словно бы включили фильм. Я увидел все моменты, в которые мне было хорошо, все забытые мгновения неосознанного счастья. В этом фильме не было ничего из того, что казалось мне крутым, не было даже телки-фотомодели, которая играла в панк-группе на бас-гитаре, – той, в прозрачной футболке, на которую я ходил смотреть в шестнадцать. Но были показаны мне именно те события, где я чувствовал не страсть к женщине, а по всей видимости, любовь к самой жизни, обращенную вовне. Именно те моменты, в которые я меньше всего чувствовал свою исключительность и замкнутость в собственном теле и которые, как ни странно, походили на то, что происходило со мной сейчас. Словно я несколько не умирал, а только терял очертания. Мое тело, распростертое у дивана, не вызывало сочувствия. Я смотрел на него так, словно у меня тысяча жизней – просто эта тоже сломалась. Я видел комнату сверху – в нее вошла Даша. Она начала искать заначки с наркотиками, затем перепрятывала их, потом била меня по щекам. Затем выбежала и вернулась с соседкой, они позвонили в скорую. Без сомнения, я испытывал легкую грусть, но не оттого, что я вне физической оболочки, а потому, что все происходит образцово чернушно. Потом в комнату вошли врачи. Соседка позвала мужа – очень крупного мужика, бывшего мента, обычно он сильно пил, – который согласился помочь. Это были соседи снизу, а жильцы из квартиры напротив предпочли спрятаться. Тело положили на носилки и понесли вниз. Даша по дороге накинула на мое физическое воплощение олимпийку Adidas, шлепанцы и шорты с тремя полосками, которые я раньше надевал не слишком часто, так как давно забро сил спорт. Этот комплект долгое время лежал в шкафу, и я все думал, зачем он мне. Теперь я знал, что это такая специальная одежда для передоза. В машине я перестал следить за всем происходящим сверху и начал возвращаться в тело. Мне делали искусственное дыхание и толкали в грудь. Затем разряд, и я почувствовал, как женщина в синем бушлате держит меня за руку, ее руки были холодны. Даша сидела на лавочке у моих носилок. Водитель закурил, спешить было некуда. Надпись «выход» на люке заставила меня улыбнуться. Еще больше меня взбодрила татуировка «Байконур 1988» с кричим стартовым комплексом на кисти правой руки водителя.

Через двадцать минут машина остановилась у проходной, с полминуты мы постояли, дожидаясь, пока охранник поднимет шлагбаум, затем въехали на территорию, обогнули здание, и остановились у крыльца.

– Одевайся, – сказала Даша.

Я сел на кушетку, накинул олимпийку и застегнул молнию.

– Пойдем, дорогой, – сказала женщина-врач, встав у меня за спиной.

Медсестра открыла дверь, все было настолько деликатно обставлено, что можно было подумать, мы отправляемся на бал в честь моего возвращения к жизни. Я, конечно же, поддался. На выходе из кареты меня поддерживали за руку, из магнитолы играла красивая мелодия. Даша прикурила сигарету и дала ее мне, я затаился, голова закружилась, но летний вете-

рок, блуждающий в полумраке, очертил трехмерность пространства – несмотря на выход из тела, я все еще был под кайфом. На втором этаже особняка в стиле псевдоклассицизма горел свет, наверное, все уже танцевали. Я совсем не досадовал, что начали без меня, хотя и немного обмяк, но был еще способен выйти в свет. Еще затяжка, и мы красиво вошли в мою новую жизнь. Я, конечно же, был взволнован, мы стояли уже на крыльце. Сейчас нас оглушит музыка и ослепят огни. Медсестричка и врача улыбаются – разумеется, они были рады сопровождать меня, и я чувствовал себя увереннее в присутствии таких дам. Дверь отворилась. Оба тапочка хорошо прилегли к ногам, хотя один из них я и прожег сигаретой в прошлой жизни, залипнув под хмурый, но это не главное, главное – осанка. Именно по ней, а не по фракку швейцар определяет, кому учтиво поклониться и о чем прибытии немедленно докладывать хозяину. В конечном счете, для меня это был не первый выход в свет, и даже в таком состоянии я мог нести себя соответственно – как бы сильно ни билось сердце, голову нужно держать высоко, несмотря на подозрения, что бал будет проходить в отделении бесплатной городской наркологички.

Фрагмент памяти 2

В приемном отделении дамы покинули меня и, кажется, были этому рады. Даша курила на улице, за окном первого этажа. Швейцар был чрезвычайно резок, заполняя бумаги. Видимо, своим природным умом он чувствовал приближение ночи и не мог совместить естественного желания предаться сну с чувством долга. Он почти не поднимал отяжелевших век от листов бумаги, над которыми склонилось все его широкое красное лицо. Я услышал, как карета с дамами тронулась. Но, как бы там ни было, я был очень благодарен им за все то электричество, что случилось между нами.

После моего отказа подписать бумаги на госпитализацию дежурный врач вызвал полицейских. Формальной причиной послужило то, что дежурный врач был совсем не дурак и, как правило, на передоз легавые приезжают раньше, чем скорая по уведомлению от оператора 03. Естественно, Даша знала об этом и сообщила оператору «о внезапной потере сознания по непонятным причинам». Маленький обман, конечно же, вскрылся, как только врачи увидели меня – следы на венах, зрачки – и саму Дашу... Но было уже поздно. Теперь я должен был сдать мочу на тест и пройти лечение в наркологичке «по собственному желанию», что как минимум должно повлечь постановку на наркологический учет по месту жительства – я отказался.

– Не уверен, что это хорошая идея, – сказал я.

Врач поднял на меня глаза, и я понял, что это стоит денег.

– Выйду к девушке, мы что-нибудь придумаем.

Мой паспорт лежал у него на столе.

– Минуты хватит? – спросил он.

Я вышел на крыльцо, Даша была на нерве.

– Ну что? – спросила она.

– У тебя есть деньги?

– Рублей четыреста на такси. А что?

– Я возьму твои сигареты.

Она открыла сумку, и я увидел чекушку «Вайт Хорс».

– Думала выпить ее вместе с тобой, пока не увидела тебя без сознания.

– Я тоже кое-что видел: как ты бегала и перепрыгивала все эти заначки в шкафах, – с улыбкой сказал я.

– Тебе сигареты оставить? – равнодушно спросила Даша.

– Да.

Я взял чекушку, прислонился к стене, повернувшись спиной к окну. Хоть мне не удалось выпить ее залпом, через полминуты все было сделано, я отдал Даше пустую бутылку.

– Ты совсем больной, – сказала она.

Даша, которую я недавно снял с края крыши на Ленинском, в одной футболке, с принтом «BACK TO THE FUTURE», развернулась и скрылась за проходной.

Я вошел в отделение, вернее, вплыл – если уж быть точным. Туда временами устремлялись новые страждущие, врачи других бригад скорой вместе с окровавленными подростками со свернутыми носами в бессознательном состоянии и с их мамами, которые все время орали, мешая мне провалиться в сон.

Через какое-то время я услышал щелчок пальцами около уха и слово «уважаемый» – пожалуй, самое страшное, что можно услышать, если ты уснул не дома. «Уважаемый» – значит, что, может, при свидетелях тебя и не будут гасить ногами, но дело к тому идет. Я поднял голову и увидел двоих очень помятых легавых. Тот, что поменьше, очень злобно процедил:

– На освидетельствование поедем.

После того как второй верзила сверил мое лицо с тем, что в паспорте, и засунул его в нагрудный карман, меня взяли под руки и потащили в машину без надписи «выход».

В следующий раз я проснулся от нескольких пощечин. Легавый за рулем заглушил мотор, тот, что сидел справа от него, открыл дверь и вышел. С полминуты мы сидели в салоне, затем тот, что вышел, вернулся и сказал водителю:

– Там очередь минут на пятнадцать-двадцать.

– Пошли оформим. Вылезай! – сказал мне тот, что за рулем.

Мне, видимо, это не понравилось, и я начал отстаивать свои гражданские права и конституцию, о которой все забыли, но длилось это недолго.

В диспансере стояли еще двое легавых, а на лавочке отдыхали четверо подростков. Из них трое парней фашистского вида, в шортах, с татуировками на худых ногах с языческими рунами и пробитыми кинжалами черепами. У одного парня на берцовой кости красовалась надпись «Gott mit Uns». Еще с ними была девочка лет семнадцати, у нее на шее красовался бандаж, разрисованный разноцветными фломастерами. Среди свастик, пожеланий и надписей типа «Vegan straight edge» был и настоящий шедевр: «Света, не отвертеться от минета». Я был заинтригован, легавые тоже смотрели на нее с интересом, несмотря на то что Света не то чтобы подавала признаки жизни.

Какой-то парень в кабинете не мог выдавить пару капель в стакан, зассывая пол. Всю компанию на лавочке неслабо колотило, они явно передознулись «солями для ванн» и теперь беспрестанно дергались мелкой судорогой, и тот, кто переставал тонуть в полу между коленок, вдруг резко очухивался и начинал озираться так, что смело мог быть использован в качестве иллюстрации к слову «страх» в толковом словаре. Они напоминали заводные игрушки в витрине «Детского мира». Только заводка заканчивалась – они исполняли свой танец все менее и менее отчетливо. Маленькая, коротко стриженная брюнетка с бандажом на шее вылупилась на стену напротив, нам всем было не до оральных ласк.

Я ждал, пока все они пописают, целую вечность. Каждого из них брали за руки двое ментов и вели туда, где на них орал – ведь почти все без исключения отливали на казенный пол, мимо указанной цели. Затем проводили меня, врач произнесла мое имя и уже заполнила лист.

– Это я.

– Стаканчик возьмите на тумбе и вот в тот угол, за ширму.

– Я отказываюсь от прохождения медицинского освидетельствования.

Нарколог безразлично ответила:

– Ну, это ты товарищу сержанту объясняй, только не в кабинете.

– Не понял, – сказал мне в коридоре тот легавый, что был поменьше, он же, по словам наркологички, «товарищ сержант».

– Нет желания, – сказал я.

– Ну что, поедем на пятнадцать суток, за это время появится у тебя желание, как думаешь?

– Пятьдесят первая статья конституции, слышали? Отливать в стаканчик душа не лежит.

Тогда он сказал мне на ухо:

– Давай по-хорошему: ты проходишь освидетельствование, я пишу административный рапорт о правонарушении, о постановке на учет в диспансер, если тест что-то выявит. Если ничего не употреблял, чё ты моросишь? Альтернативные варианты тебе не понравятся, они никому не нравятся...

Мент уже знал, что у меня нет денег, нужно было согласиться – чем больше времени они на меня тратят, тем решительней и жестче будут их действия, вплоть до действий по букве закона. За смену ему нужно было несколько составленных протоколов на таких, как я,

и, конечно же, несколько не составленных, где все стороны разошлись бы полюбовно. Все это читалось в его уставшем взгляде. Его лицо смотрелось как маска из папье-маше, на которой румяна скрывали швы. Я знал: когда он разозлится по-настоящему, румяна спадут и я увижу всю боль, которой он готов щедро делиться. Я закрыл глаза и прислонился к стене.

– Ну, смотри, – процедил он и пошел к выходу.

В этот момент ко мне сзади подошел второй мент, схватил меня за руку, захлопнув наручники, и повел на выход. Один из малолетних фашистов, тот, что уже очнулся, крикнул вслед:

– Не сдавайся, братан!

Мне помахал рукой парень с татуировкой «С нами Бог», я улыбнулся в ответ. В машине оба легавых молчали, применив своего рода психологическую атаку. Тот, что поменьше, завел мотор, и мы поехали в неизвестном направлении. Наручники мне застегнули сверху, и это была ошибка. Я понял, что меня ожидает полное дерьмо.

– Можно сигарету? – спросил я.

– Дали бы, если бы ты с нами по-человечески, а теперь не знаю, когда ты закуришь, – сказал тот, что за рулем.

Я сжал руки и со всей дури ударил себя по переносице.

– Э-э-э, ты чё творишь? – заорал водитель. – Тёма, держи ему руки!

Кровь пошла довольно ощутимо, потекла на олимпийку, видимо, я не просто разбил нос, но и рассек кожу, голова закружилась. Легавые уже без формальности говорили на присущем им естественном языке:

– Ты чё творишь? Ты чё, говна въебал, что ли?

Последовал удар ладонью по моей щеке от того, что крупней, затем удар в солнечное сплетение, сержант осадил его:

– Тормози.

От удара под ребра волю к сопротивлению я потерял, началось удушье, я закашлял и наглотался крови, которой уже были забрызганы ноги и салон. Когда мы подъехали к зданию УВД, меня не сразу выгрузили – сначала сержант выбежал сам, видимо, давать какие-то объяснения, затем вернулся с еще одним ментом из приемки, и меня сопроводили в комнату досмотра.

Сержант, что меня привез, отдал дежурному менту мой паспорт. Меня посадили на лавочку, сержант передал протокол дежурному капитану, долговязому мужчине лет тридцати пяти с лицом садиста – губ у капитана не было, только щель со вздернутыми уголками, что надо ухмылочка. В комнате остались только мы с дежурным капитаном. Сперва он просто молчал, разглядывая мой паспорт и проколы на руках.

– Ну что, утром придет оперуполномоченный сотрудник, и пятнадцать суток ты скорее всего у нас в отделении отдохнешь, – сказал он и замолчал еще на полминуты. – Есть кому позвонить, чтобы приехали штраф за тебя заплатить?

Мне было некому позвонить. Последний мой разговор с отцом закончился весьма сухо, он как-то зашел ко мне днями, и я предложил ему чашечку пуэра, так как больше ничего не было. Он ответил, что не будет употреблять в пищу продукт гниения. Мы уже хорошо знали друг друга, возникла долгая пауза. В конце которой я добавил, что, по моему глубокому убеждению, человек не превращается в волшебную пыльцу после смерти, человек – это тоже продукт гниения, разве что куда более интенсивного и, я бы даже сказал, запущенного в некоторых случаях, но это если говорить об оболочке... Когда я предложил обсудить содержимое, он вспомнил, что заходил за WD-40, еще раз продемонстрировал мне, что желаемый баллончик у него уже в руке, и мы попрощались. Разумеется, это привело к тому, что на чай он ко мне больше не заходил. У Даши были четыреста рублей, чтобы уехать, мобильного с собой не было, я помнил наизусть только номера телефонов родителей, но мне совсем не хотелось будить их

по такому поводу. Всех остальных, кому я мог позвонить, можно было вот так же, на основании только внешнего вида, закрыть здесь на пятнадцать суток.

– Адвоката мне дайте, пусть приедет и зафиксирует побои. Меня сюда вот так вот в тапочках из машины реанимации, а не из подворотни с косячком привезли. Вы сами-то что творите? Мне что, надо снова откинуться, что ли? Вытащили человека с того света, чтобы я штраф вам оплатил?

– Вы в машине реанимации оказались в результате того, что у вас следы на венах. Вы понимаете, когда речь идет о жизни и здоровье наших граждан, это уже не административное правонарушение? А если вы еще кого-нибудь угостили и его сегодня не откачают, как вас? Утром оперуполномоченный сотрудник будет решать.

Капитан вышел, за мной пришел дежурный из приемки и проводил меня в коридор. Затем меня закрыли. Просто железная клетка три метра в длину и метр в ширину. Капитан из-за стекла аквариума приемки предупредил дежурного, чтобы наручников с меня не снимали. Где-то с полчаса я сидел один.

Но публику в ночном обезьяннике долго ждать не приходится. Каждый раз в программе этого цирка новые звезды со сногшибательными номерами, правда, никаких ослепительных гимнасток, балансирующих под самым куполом и сохраняющих улыбку, даже если страховочный трос обвивает шею. Никаких аплодисментов и восторженных зрителей. Здесь собираются преимущественно клоуны и факиры, строгие приверженцы смертельных номеров, разве что они не присыпаны блестками и пудрой.

Сперва привезли двух пьяных уличных женщин, утверждавших, что они «честные бляди». Обыскивали их недолго. Судя по крикам и ругани с ментами, которые их привезли, я понял, что бомжих взяли на краже элитного алкоголя в «Седьмом континенте».

– Мы честные бляди! – вопили они. – Нам женихи все, все покупают! Женихи должны были подъехать, все оплатить, Альфонсы, блядь.

Капитан приказал дежурному вывести меня из обезьянника и пристегнуть к наружной решетке, а в клетку посадить вновь прибывших. Я был искренне рад, что мужчин и женщин содержат отдельно. Хотя на женщин «честные бляди» похожи не были – скорее они напоминали Микки Рурка из фильма «Рестлер». Спортивные костюмы, жидкие волосы и настолько опухшие от этанола лица, что глаза казались неестественно узкими. Бичих не смущали ни гнилые зубы, ни сходство с мужиками, лет десять прошедшими на ринге, к тому же они были очень разговорчивыми.

– Ты на нас не обижаешься, что мы твое место заняли, парнишка? – спросила одна из них.

Теперь я должен был стоять до утра, пристегнутый одной рукой к клетке, и мог только прислониться к решетке спиной. Но я не обижался, решив просто не разговаривать с ними, представив возможную перспективу такого диалога.

– Эй! – опять окликнула меня одна из них.

Я закрыл глаза, притворившись спящим. В отделении иногда раздавались телефонные звонки, кого-то искали, но не меня, и стрелки часов, висевших над «аквариумом», указывали 3:40 утра. Дамы не унимались:

– Девочки вышли погулять... и что? Сразу винтить!.. Что, мужики уже не те, что дамам самим приходится покупать себе выпить?

Одна из них, та, что была в лосинах, предприняла еще одну попытку:

– Эй, красавчик! Кто тебя так? Посмотри на мою Валюшку, посмотри, все при ней, сиськи, жопа. Ты бы купил такой даме выпить?

Я не открыл глаза – иногда, чтобы оставаться джентльменом, нужно прикладывать немало усилий. Не скажу, что ночью в отделении милиции можно встретить интересного собеседника, наверное, всех интересных сразу везут в Матросскую Тишину, но в этот раз с компанией не повезло особенно. Спать стоя довольно проблематично, особенно если начинаешь

трезветь. К дамам за спиной приехало пополнение – Витя. Судя по радушию ментов в приемке, он был местной знаменитостью. Витя уже не в первый раз подрался с консьержкой дома, где живет его телекумир, в попытке проникнуть в подъезд, чтобы познакомиться поближе. Витя преследовал его на такси и почти нагнал. Только в этот раз пришлось весьма серьезно избить многострадальную консьержку. Консьержка тоже была тут, она писала заявление. Но ей предложили сначала снять побои в травмопункте, и она на время исчезла, Витю сразу определили в обезьянник.

– Вот увидите, сейчас сюда приедет пресса, будет большой скандал, вас всех уволят! Что это за вонь у вас тут? – брезгливо спросил Витя, отсев подальше от дам и демонстративно зажав нос.

Дамы умолкли. От Вити сильно пахло духами, у него были очень тонкие руки, высокие сапоги, парик, имитирующий стрижку боб-каре в пепельно-белом цвете, и мини-юбка под лакированным женским пиджаком. Только потом в глаза бросался кадык, широкие плечи и уголовная рожа. Но он хотя бы пытался выглядеть как Виктория.

Я немного опасался, что сейчас протрезвею. Не лучшее место для трезвости, хотя во мне присутствовала уверенность, что еще несколько часов ничего подобного не случится. За это я и любил большие дозировки. При всех минусах и высокой степени риска ведь кто-то выбирает альпинизм? Хотя все реже – с тех пор как героин стал так доступен, альпинистов поубавилось.

Фрагмент памяти 3

В моменты, подобные этим, мне всегда вспоминались старшие классы школы, после уроков я часто ходил в бассейн в Лужниках. Ранней весной, после занятий, проходя через Лужнецкий рынок, через исполинские ряды китайских и турецких тряпок, которые казались непроходимым лабиринтом, я шел в лягушатник, чтобы научиться плавать, и немного боялся, что буду тонуть. Меня записали позже времени, я не попал в подростковую секцию, оказавшись во взрослой группе. Там не было в кислотного цвета купальниках со стройными ножками Лолит, глаза которых всегда искрятся от чрезмерно хлорированной воды. Они уходили как раз тогда, когда я приходил. Я видел только, как они входят в раздевалку, – и больше ничего. Моими подругами по обучению были старухи, некоторые из них брали с собой внуков, то и дело норовивших наглухо уйти под воду. А старухи надувались, как поплавки, и совсем не хотели погружаться на глубину, наверное, им нравился наш тренер. Нырять, я пытался достать до самого дна, задержать дыхание и подольше не всплывать.

Под водой было удивительно тихо – в такие моменты я забывал школу, мрачные толпы в метро, толкучку Лужников и старух, болтающихся на поверхности бассейна. Иногда мимо проплывали их дебильные внуки, пускающие пузыри, но они все равно не касались дна. Мне, как ни странно, становилось удивительно хорошо, казалось, что я в самой глубине мира. Я закрывал глаза, сверху мутным растянутым эхом звучали команды тренера, было слишком хорошо, чтобы всплывать. Уже тогда я пристрастился к гашишу и часто брал из аптечки бабушки несколько таблеток фенозепама. Перед бассейном я выкуривал немного и съедал таблетку, это затягивало минуту, на которую я со временем научился задерживать воздух, и она длилась несколько дольше. Я знал, что если всплыву прямо сейчас, то старухи не станут моложе, а чувак в костюме Каппа будет продолжать приказывать.

Вечерами мы напивались с друзьями, катались на скейтбордах и дрались на концертах. Мы крушили все, что можно разбить после закрытия метро, и смотрели фильм «Заводной апельсин» ровно до сорок второй минуты. Но по-настоящему хорошо мне было именно под водой – эта тишина вдохновляла меня, и, когда я всплывал, во мне появлялись новые силы. С тех пор в любых тревожных ситуациях я представлял себя на дне бассейна в Лужниках.

Мама родила меня в восемнадцать и иногда брала на репетиции их курса, неся на руках по Арбату. Но запомнил я не спектакли, а Арбат с выбитыми витринами, стеклами и лужами крови на стенах и новенькой брусчатке. Видимо, уже тогда я знал, что это – часть меня. Пока я стоял, прикованный к обезьяннику, у меня было время вспомнить, как все началось. Первые зиги, брошенные мной на стадионе «Динамо» за клуб, который всю мою жизнь борется не за чемпионство, а за то, чтобы не попасть во второй дивизион, клуб, который я ненавижу, но который всегда давал мне максимальный заряд ненависти ко всем остальным. Сомневаюсь, что это было бы возможно, если бы я с детства не болел за клуб аутсайдеров.

Когда мне исполнилось четырнадцать, я носил такой бордовый, кашемировый свитер с V-образным вырезом – мануфактурную вещь из какого-то графства в Туманном Альбионе, брился машинкой под три миллиметра и каждое утро начищал до блеска свои черные ботинки Dr. Martens. Обязательные и кропотливые ритуалы перед тем, как приступить к насилию, смягчают душу и задают правильный настрой. Правда, сначала заходил Гоша, он жил в соседнем подъезде и всегда успевал проделать все это со своими ботинками чуть раньше, чем я. Возможно, оттого, что он был старше на три года и считал своим долгом продемонстрировать мне своим внезапным появлением, какой я тормоз. Не знаю, как мне удалось закончить школу, но как ее закончил Гоша – нехуевая мистификация. Надо сказать, что почти через год после школы началась его десятилетняя отсидка. Принимали его человек шестнадцать. Для соседней улицы, как и для нашей, это было целое событие. Никто больше целыми днями не спле-

вывал с балкона третьего этажа во двор бесконечные потоки харкотины с бычками. Обычная лужа откровенного дерьма под Гошиным балконом просто исчезла, хотя осудили его за серию вооруженных грабежей в составе ОПГ, я даже не понял до конца, когда он все успевал.

Но тогда мы только и делали, что дрались с кем-нибудь на улицах Москвы – в свободное от дочки время, разумеется.

Помню, как однажды я отобрал у кого-то в школе новенькую колоду порнографических карт и притащил вечером во двор похвастаться перед Гошей. За теплотрассой был излюбленный наркоманами двор, там в вечно сыром подъезде мы по очереди драчили. Сперва на шухере стоял я, затем он. Тогда я и научился тасовать колоду одной левой рукой, ведь правой я гонял болт, быстро меняя карты в колоде под названием «флирт», ведь я хотел видеть больше пизды. Дамы на этих картинках поглощали член так, словно это и есть смысл и двигатель прогресса, а вовсе не то, чему учат в школе, вроде точной науки, гуманизма, социализации ради самой социализации. На картинках было нечто большее: черные и белые женщины, не сопротивляясь, с улыбкой подставляли жопы. Меня угнетало притворство окружающих, которые делали вид, что секс – это нечто весьма второстепенное. Я хотел черную женщину, десятку червей, но картинка реальности сильно отличалась от того, что я видел вокруг: теплотрасса, гаражи, наш двор, улица, школа, снова гаражи, супермаркет, мрачная дорога дворами до метро. Все как будто кричало: «Здесь нет таких женщин». Меня это не слабо злило, я стал фашистом и хотел разрушить все это, Гоша, кажется, тоже. Таких, как мы, было много, и для начала мы избивали друг друга, запиная в кровь другого драчили, особенно если он из другой страны. Сломать парню ребра или выстрелить в лицо из пневмата – для этого было нужно только одно, точнее, для этого вообще ничего не было нужно. Просто здорово, когда он лежит в крови, а ты идешь домой. Я видел такие травмы, как розочка от пивной бутылки, воткнутая в область глаза, и четырех реальных трупов, которых в пакетах выносили из соседнего дома в результате встречи бывших одноклассников, где один из них, узнал, что его жена, перед тем как выйти замуж, вела достаточно обширный поиск будущего супруга. Это было место бесконечной, кровавой карусели – «пацанских» поступков, и лететь вниз с этой карусели было довольно больно, поэтому ты или обзаводился привычкой изображать из себя конченного в своей жестокости психа, или наблюдал, как это делают другие, но именно для тебя. Правда, многим этого и изображать не приходилось, а было настолько органично их природе, что даже школьные психологи сообщали всему классу, что тот или иной человек способен на убийство. Абсолютная норма для классов коррекции, в которых учились почти все мои друзья. Нередко случалось так, что я и сам лежал в крови, и эти женщины с порнокарт, уже поселившиеся в моем сознании, в такие моменты не смотрели мне в глаза. Они отдалялись, теряли объем, реальные очертания и переставали оживать в воображении, снова становясь всего лишь задроченными бумажками.

Временами Гоше уже с утра приходила в голову какая-нибудь сомнительная идея, внезапно выпадающая из общей концепции. В тот день, когда я, как обычно, чистил свои ботинки, он предложил нечто новое:

– Поехали на MTV

– Что?

– В массовку, нам ничего не заплатят, зато мы увидим все изнутри.

И мы поехали. Это было достаточно далеко от нашей станции метро. Мир нашего района был компактен и жесток, пока поезд летел по тоннелю в сторону кольцевой, я четко ощущал переход границы.

«Станция метро “Ноябрьская”», – прозвучал электрический голос в вагоне. Мы с Гошей посмотрели друг на друга так, словно это совсем не страшно. Когда мы подъехали к павильону, где происходила запись, там уже стояла толпа малолеток туповатого вида, в основном прыщавых девочек-подростков. Мы немного попялились на них с другой стороны улицы, а затем все же пересекли дорогу и, распахав всех, встали в самое начало очереди. Затем ворота павильона

открылись, выглянули директор массовки с ассистентом режиссера. Ассистент окинул толпу взглядом человека, которого подташнивает и который, глядя на нас, как бы пытается установить источник этой тошноты. Затем он сказал:

– Вот вы, вы и вы, давайте, идите за этой девушкой.

Среди тех, на кого он указал, были мы с Гошей и шесть девиц, которые тут же завизжали и начали обниматься.

– Будет группа «Тату», будет группа «Тату» сегодня! Вы чё, не знаете? – визжали они.

Мы переглянулись. «Да пофиг кто», – подумал я, но во взгляде Гоши проскользнуло что-то, что выдало его осведомленность. Он знал все заранее, но, пытаясь скрыть улыбку, отвел взгляд и пробовал вернуть себе серьезный вид.

– «Тату»?

Он ответил:

– Это же MTV!

Надо признать, одной колодой карт он себя не ограничивал, и аудиокассета, которую якобы забыла в его магнитофоне сестра Аня, явно принадлежала не ей.

– Скажи, какая песня у тебя любимая?

– Да плевал я на них! Хочешь, прямо сейчас уйдем, братишка? Давай? Только чё, зря сюда ехали, что ли? Вхолостую? Как обломисты домой поедет? Ты видел в клипе эти клетчатые юбки? Так вот, пацаны говорили, что на концерты они под них трусов не надевают! Это их концертная фишка. Хочешь уехать сейчас – давай, а я сейчас щеману тех телок у сцены и увижу, блядь, все!

– Какие пацаны?

– Шиза.

– Он всегда выдает желаемое за действительное, он на концерте-то не был!

– Его сестра была, она не станет вешать просто так.

Конечно, я сильно сомневался в словах Гоши, но соблазн был велик, поэтому мы все-таки грубо растолкали телок у сцены и заняли выжидательную позицию. Телки-фанатки злобно шипели позади, Гоша обернулся и все уладил, сказав, что если еще раз кто-то наступит ему на ботинок или будет и дальше обламывать кайф, то он пробьет этому человеку в душу с ноги. Вокруг нас тут же образовалась зона комфорта.

Действительно, было самое время появиться двум лесбопилоткам и начать делать все эти невероятные вещи.

Прошли минут пятнадцать-двадцать, может быть, больше. Затем еще час, несколько раз по сцене ходил кто-то вроде ведущего, разговаривая с кем-то по телефону, ассистент режиссера по мегафону просил сохранять спокойствие. Прошли еще минут сорок, наконец объявили, что группа «Тату» задерживается на других съемках и записи сегодня не будет. Всю массовку пригласили на следующую неделю. Потом включили музыку, и телки позади нас начали беситься и визжать, оператор привел в действие кран и начал снимать панорамы над толпой. Когда камера пролетела над нами с Гошей, мы проорали в нее ругательства и основательно покидали зиги.

Только мы все равно обломались, совершив вылазку впустую, теперь мы точно хотели сделать что-нибудь такое, чтобы день не прошел зря. Поскольку возвращаться домой нам нужно было через центр, я предложил Гоше заехать на старый Арбат. Я знал, что там живет девочка Настя семнадцати лет. Мы познакомились с ней год назад в Морозовской больнице, где я лежал с черепно-мозговой травмой, а она – с кровотечениями из носа. Несмотря на то что она была намного старше меня, мы вместе слушали на ее кассетном плеере альбомы Bleach и Unplaget. В какой-то степени я не мог ее забыть. Она выписалась из больницы раньше меня и счастливо, что было естественно, вышла наружу в синих ботинках Grinders и черном Kangol, надетом задом наперед.

Уходя из больницы, Настя оставила мне домашний номер телефона. Я, конечно, не сразу позвонил, потому что помнил, как ходил по больнице в пижаме с Диснеем, которую передала мне мама, и мне казалось, что, какой бы взрослый голос я ни делал, Настя все равно будет помнить меня в этой пижаме. Поэтому я просто часто слушал альбомы Nirvana и представлял себе нашу встречу. Но в середине лета я все-таки позвонил, и Настя сказала, что живет и тусит на Арбате, куда я могу приехать и найти ее в любой день. Еще она спросила, по-прежнему ли я слушаю «Нирвану».

– Нет, – уверенно солгал я.

Затем я рассказал про нее Гоше, он сразу врубился и захотел мне помочь. Когда я позвонил Насте в следующий раз, он сидел рядом и советовал, что и как говорить. Настя услышала это и рассмеялась, точнее, на нее напало что-то вроде истерики, затем она сказала, что ей нужно собираться к репетитору – Настя хотела поступать в иняз.

И вот теперь, на выходе из павильона MTV, я сказал Гоше:

– Давай поедем на старый Арбат. Может, найдем Настю.

Как ни странно, он согласился:

– Давай, только сначала по пиву.

«Пивом» Гоша называл две бутылки девятой «Балтики», что было для нас тем же самым, что водка.

У метро мы выпили по бутылке, еще по одной взяли с собой, на этом деньги кончились. Прыгнули через турникеты в метро и к семи вечера оказались на старом Арбате.

По брусчатке, перекрытой во многих местах матрешечниками, шныряли небольшие группы иностранцев и молодежи из Подмосквья. Это была странная смесь – на лицах и тех и других присутствовало какое-то разочарование. У иностранцев, наверное, оттого, что они ожидали большего от нашего исторического центра, чем впаривание новодельных буденовок. У молодежи из Подмосквья – оттого, что их здесь никто от говна не отличал, ведь все вертелось вокруг впаривания буденовок иностранцам. Нам нужно было пройти к стене Цоя мимо толпы брейк-дансеров, реперов и панков, мимо бара с байкерами и прочей нечистью. Лысых парней в бомперах я нигде не видел, нас было только двое. Гоша спросил меня:

– Ты уверен, что хочешь этого?

– Не знаю, давай просто держать руки в карманах, как будто у нас там ножи.

– А я взял нож.

– На MTV?

– Ну просто забыл положить на место коляновский, который он с флота привез.

– Это же штык-нож! Ты серьезно?

Гоша ударил меня по руке рукавом своего бомпера, и я понял, что там и вправду лежит нож от АК-47. Гоша улыбнулся с понтом – он-то не лох, все реально под контролем. Я испытал смешанные чувства – с одной стороны, я снова почувствовал себя комфортнее, твердо зная, что, если кто-нибудь из этих любителей уличной жизни залупнется, Гоша реально может проткнуть ему печень. Но, с другой стороны, ощутил и дискомфорт: лучший друг, с которым я тусуюсь каждый день, как ни в чем не бывало таскает в рукаве штык-нож.

Мы прошли к стене Цоя. Выглядело это грязно, большинство местных панков были похожи на бичей. Мы встали напротив и просто смотрели на них, а они хотя и косились на нас, но приближаться никто не стал. Иногда к ним подваливали группы с гитарами по пять-шесть человек, тоже смотрели на нас, затем они высчитывали новую партию мелочи, допивали новую бутылку «Очаково» и уходили. Приходили новые, мы уже давненько сидели на корточках и смеялись над панками. Насти там не было. Наверное, это уже не модно – тусить в этом месте, раз ее тут нет, решили мы, но просидели еще около часа на всякий случай, хотя было уже десять. У Гоши осталась одна сигарета, мы выкурили ее на двоих. Пора было уходить, решили мы, в этот момент к нам подошла девушка с грязными волосами, которая терлась тут с самого

начала. На ней были черные дудочки в булавках, балахон с принтом «Гражданская оборона» и туристический рюкзак.

– Привет, я Ксюша! Вы смелые, раз тут целый вечер сидите... Сегодня ваших тут нет.

– Настю знаешь? Такая черненькая, в кэнголе ходит? – спросил я.

– А-а... на чем она торчит?

– Ты о чем?

– Что она употребляет?

– Я не знаю.

– Она из ваших, любит национал-социализм?

– Нет.

– Просто Настя? Кликуха какая?

– Не знаю. Она красивая.

– Красивая... а ты в этом много понимаешь? – спросила меня девушка. – А твой друг почему молчит, он тоже из любви к красоте так стремно выглядит?

– Ладно, забей просто.

– Хотите покурить крымские бошки?

– Давай, – сказал я.

Гоша кивнул и сплюнул так, словно бошки он курит каждый день, хотя в нашем районе продавалась только химка и героин для тех, кто постарше. Мы же иногда пили пиво, хотя кто-то предпочитал закидывать в него димедрол или кодеин. Гоша однажды курил химку, это закончилось плохо – он побелел, его тошнило, до дома его довела сестра, там он основательно выхватил от Моряка – старшего брата. И выхватил он в лучших традициях военно-морского флота: сотня приседаний сопровождалась пинками и пощечинами. Собственно, в момент этой экзекуции способность сидеть сейчас на кортах. Он не любил про это вспоминать, это любила вспоминать его сестра.

– Ну что, тогда гоу в Кривоколенный, – сказала Ксюша.

В Кривоколенном переулке мы вошли в подъезд четырехэтажного особняка, было темно. Через дорогу стоял дом в шесть этажей, и мы оказались в его тени, свет в подъезде отсутствовал.

– Меня Ксюша зовут, как я уже говорила. Ведите себя тихо.

Затем щелкнула зажигалка, Ксюша подожгла гипертрофированных размеров папиросу, вставила ее в рот и приблизилась ко мне. Оттуда, как из трубы крейсера, валил дым, который сразу обжег горло. Я не знал, сколько нужно втягивать, и втягивал жестко. Затем она проделала то же самое с Гошей. Я не выдержал и выпустил дым, пытаюсь понять этот резкий вкус. Ксюша затянулась сама и снова передала мне косяк. Огонек еще некоторое время ходил из рук в руки. Пока мне не захотелось присесть, Гоша и Ксюша курили без меня. Я понял этот вкус, когда он меня уже накрыл, грудью, внутри груди, он остается там.

Тело отяжелело, веки словно наполнились кровью, в ногах зазвенели мурашки, затем они побежали вверх, когда они пришли в голову, я уже видел каждую отдельную фазу движения. Я видел, как замирает дым, чувствовал, как вращается дом, я, Ксюша и Гоша. Планета хотела нас прокатить, и мы катились так, словно ничего не происходит, но это происходило. Мы пытались занять более устойчивое положение, курили сигареты, опирались о перила, чтобы случайно не соскользнуть, не слететь с поверхности. И над нашим подъездом уже светила Новая Луна. Именно тогда я понял не в теории, а сугубо практически: все, что происходит там, наверху, не световое шоу, не солнце летает вокруг нас от нечего делать – это вращаемся мы. Если перекурить бошек, это можно прочувствовать.

Некоторое время я сидел на ступеньках, затем уперся головой в стену и услышал вибрации уставшего дома, звуки жизни в квартирах.

– Где мои ключи, блядь? – кричал кто-то за стеной.

Я слышал молчание подвала. И то, что еще ниже, под слоем земли, кипение лавы, звучание преисподней. Стон абсолютной темноты доходил до стены дома легкой дрожью, неразличимой слухом, но явственной для той области груди, которую обжег дым.

– Сука, где эти долбаные ключи? – звучала увертюра к бытовому скандалу.

Звуки ругани нарастали и становились грубее, но вибрация лавы звучала опаснее, куда более зловеще, это она основной мотив, который подхватывают эти несчастные:

– Слышишь ты, алкоголичка, блядь, где мои ключи?

В замершем ночном городе звуки отчетливы, это вибрировал ад, так звучали его певцы. Я начал поддаваться ему, меня охватывало волнение, я утратил ощущение полета, затем отклонился обратно, и мы полетели снова. В этот момент я понял, как важно не терять этого ощущения – когда я злился, мир всегда словно вставал на месте, и главная мелодия звучала откуда-то из его недр. Во мне просыпалось что-то животное, я подхватывал эту мелодию и тоже становился певцом ада. Когда я бил людей велосипедной цепью у метро «Пражская», мне казалось, что мы больше не летим и солнце не встанет, пока я не выбью из них все дерьмо, вроде их красно-белых цветов московского «Спартака». Но солнце всегда вставало: без жертвоприношений, и вместе с ними, и даже тогда, когда в жертву приносили меня.

Наверное, в тот вечер я стал чуть сдержанней. Именно после него я все чаще стал замечать в себе сомнение перед тем, как ударить, и почти совсем перестал бить первым.

Гоша окликнул меня:

– Брат, ты висишь.

Ксюша засмеялась.

– Вам, наверное, пора, иначе вы не успеете на метро, – заботливо сказала она.

Мы вышли на улицу и попрощались с ней в конце переулка, она исчезла. Затем мы снова вышли на брусчатку, но это был уже другой Арбат. Пара пьяных проституток, двое байкеров безуспешно заводили мотоцикл у бара, несколько панков спали у памятника принцессе Турандот вповалку, словно убитые в братской могиле. Мимо нас прошел пожилой мужчина в изящной шляпе цвета кофе с молоком и пальто, как у Колумбо, немного прихрамывая и опираясь на трость, но походка его оставалась легка. Он почтительно кивнул нам и с улыбкой проводил взглядом, так, словно мы давние знакомые. Пьяницы периодически орали, различный подзвучивший люд мельтешил в арках, несколько баров еще работали, в витринах сидели скучающие красотки с подвыпившими бандитами. Стройная девушка в Versace бесстрашно выгуливала пуделя. Я смотрел на нее – это была ожившая дама трэф из моей колоды. Она виляла жопой именно так, как я себе это представлял. На высоких каблуках ей тоже было не просто удержаться на планете, к тому же она двигалась не слишком ровно, словно в легком опьянении.

Мы столкнулись с цветом ночи, и она больше не страшила, напротив, она завораживала, небо зажглось существенно ярче. Темнота приобрела свои полутона, и две наши дерганые, веселые тени на брусчатке, спешившие к закрытому метро, стали ее оттенками, как и мы сами.

Фрагмент памяти 4

В конечном счете это и привело меня сюда, где за решеткой обезьянника бились храбрые сердца ночных странников. Они коротали ночь за разговором интимного характера, вернувшим меня к реальности, – трансвестит Витя демонстрировал присутствующим дамам, кто здесь важная особа.

– Знаете, в чем секрет? – надменным голосом спросил он у двух подруг. – Только мужчина знает, как доставить мужчине удовольствие. – Витя сжал указательный и большой палец, оттопырил мизинчик и поднес ко рту. – Только мужчина знает, как правильно брать в рот.

Бичихи громко засмеялись, прикрывая рты ладошками, что не удивительно – ведь сам термин «бич» в узких кругах расшифровывается как «бывший интеллигентный человек».

– Покажи еще разок, – подначивали они его.

В этот момент я понял, что все-таки всплыл.

Утро наступило, мое положение не изменилось. Я почти протрезвел, мне это показалось не слишком уместным, благо пристегнут я был только одной рукой. Размаха хватило, чтобы удариться об решетку носом еще раз. Фонтана крови, конечно, не последовало, но что-то стекло.

– Дежурный! Человеку плохо! – закричал Витя.

Из «аквариума» выбежал дежурный, посмотрел на меня с полсекунды, ругнулся и убежал искать капитана. На этот раз боль пронзила голову намного сильнее, едва ли я смог бы повторить это снова. «Честные бляди» совали через решетку платочек, но было бы напрасно принять этот жест арестантской солидарности, это противоречило замыслу. Вытирая кровь рукой, я размазывал по решетке и лицу то, что не стекло на пол, – смотрелось это не слишком воодушевляюще. Когда я запачкал все, что мог, пришел капитан.

– Сука, – прошипел он. – Пристегни ему вторую руку, фиксируй его спиной, я снимать буду. Если ты еще будешь биться головой об решетку, у нас доказуха, ты, сука, звездой ютуба станешь, – сказал он мне.

Дежурный побежал за очередными наручниками, а капитан достал телефон и начал снимать.

После того как дежурный как бы распял меня на решетке обезьянника, капитан подошел ко мне вплотную и сказал:

– Ну, чё, задержанный, ты хоть понимаешь, что в том углу камера стоит? Все равно не прокатит, все снято, от самого, блядь, начала...

Дело было сделано, меня плотно пристегнули к решетке. Капитан снимал свое видео, обещая выложить его на ютубе, приговаривая, что таких отморожков он давно не видел. В заключение капитан подошел ближе и взял крупный план.

– Ничего не хочешь сказать, задержанный? Друзья тебя увидят, учителя твои, родители, на работе их коллеги... Кто тебя научил головой об решетку биться?

Во рту образовалось много крови, я сплюнул ее на пол.

– Говори, чё ты?

– Что?

– Как до жизни такой дошел?

– По приколу... как, я полагаю, и вы.

После еще одного хлесткого удара по печени съемка была окончена. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Одной из «честных блядей» вернули сигареты, за это она взяла швабру и вытерла пол. Когда дежурный отвернулся, она прикурила одну сигарету мне.

– Покури, тебя теперь точно не скоро выпустят, – добавила она, выжимая тряпку. Я улыбнулся в ответ.

– Ты плохо понимаешь, как это работает, я выйду существенно раньше, чем ты думаешь. Она посмотрела на меня вопросительно.

– Их не заводят та плоть и души, что уже изувечены. По-настоящему их возбуждает только чистота и невинность.

– Что ты имеешь в виду?

– Что для тебя это тоже хорошие новости.

В половине шестого пришел зелено-серого цвета опер. Первое, что заметил его усталый взгляд, был я.

– Что это? – коротко спросил он дежурного.

– Наряд доставил в передозе, у нас очнулся, качать начал, затем головой об решетку биться.

– Убирай его, – сказал опер, брезгливо оглядывая пол, окровавленные тапочки и мой раскуроченный нос.

Дежурный расстегнул наручники, я дошел до умывальника, холодная вода с мылом придали лицу свежести, но, конечно, кровь все равно осталась на тапочках и олимпийке. Однако, как говорила Коко Шанель, настоящее изящество всегда содержит в себе элемент небрежности. А может быть, это и вовсе не ее слова – в любом случае модные дома сегодня едва ли черпают вдохновение в классическом облике чопорной буржуазии. Скорее в угоду ей они бесконечно перерабатывают образы уличных проституток, алкоголиков и цыган, они-то и являются первоисточником вдохновения модельеров. Нищета, холод и отчаяние – вот что должно присутствовать во взгляде анорексичных фотомоделей на фэшн-съемке новой коллекции Гуччи. Это и есть секс – готовность на все ради следующей дозы тепла и комфорта, возможно, просто следующей дозы. Пышные формы рубенсовских дам окончательно сошли на нет в начале прошлого века вместе с утомленными, пресыщенными взглядами, и в какой-то степени это послужило концом эпохи витальной женственности. С тех пор эталоном женской фигуры стало все большее сходство с мальчиком-подростком. А это не что иное, как конец эпохи вагинального секса. Проще говоря, вагинальный секс сдох. Сегодня все предпочитают тугой и не расточенный анал человека, поставленного в безвыходное положение. Половая принадлежность сама по себе не имеет ключевого значения. Милая Коко Шанель врубилась в это раньше всех, но прежде, чем уничтожить вызывающую женственность полностью, нужен был переходный период, и ее просто сжали до размеров маленького черного платья. Дольче и Габбана продолжили дело Шанель, бесконечно иронизируя на тему брутальной мужественности, в итоге пришел устойчивый тренд на унисекс – универсальный анал. Тренд на боль и отчаяние. Наверное, поэтому, смывая кровь с лица в туалете отделения милиции, я чувствовал, что выгляжу превосходно.

Фрагмент памяти 5

Вечером перезвонила жена Альберта, сказала, что у него пневмония, он тяжело болеет, кроме того, у него был передоз и теперь с метом мутится она. Она охотно согласилась привезти все необходимое прямо мне домой с условием, что я угощу ее. Я согласился и заказал три грамма. Ближе к ночи она обнаружила меня в плохом виде. Даши дома не было, я решил накачаться и проспал весь день. Альбертова жена сказала, что в таком состоянии надо сначала выпить и только потом делать заход. Сходила в магазин, купила чекушку Киновского, я выпил половинку, запил колой, после чего она любезно сделала мне инъекцию, а я помог найти вену ей – что было не очень выгодной сделкой. Несмотря на относительно скромный стаж, ее вены решили больше не возвращаться. Ночью я вызвал ей такси... Начался очередной марафон.

За трое или четверо суток звонила мама, звонил О.К. – мой мастер из Школы современного искусства, наверное, хотел предупредить, что скоро начнется учебный год. Звонил еще кто-то – к телефону я не подходил. Затем метамфетамин кончился, абстения шла два дня с перерывами на сны наяву, я пил дешевую конину и гонял вторяки. Жена Альберта и он сам почему-то не отвечали. «Их могли принять легавые», – подумал я и отключил телефон насоем.

На следующее утро неизвестного по счету дня наступила та абстинега, которой я прежде не знал. Это совершенно точно было окончанием так называемого розового периода – на сленге наркозависимых и наркологов.

Вечером я дополз до крана в ванной и выпил угля и цитрамона, надел куртку с капюшоном, кроссовки и солнечные очки. Я действовал по инструкции, которую не раз отработывал – от внешнего к внутреннему. На полке в ванной стоял пузырек Diore Home, как раз на тот случай, когда будет совсем паршиво. Я вдохнул, и на секунду показалось, что иду на свидание, как когда все только начинается, а блевотину со стен заботливо смоем дождь – нужно только дойти. Взять 0,5 коньяку, выпить у магазина, пройти с собакой круг по скверу, в конце которого должна отпустить боль, сменяемая приступом кратковременной эйфории. Словно завтра всё это не повторится.

День спустя я уже ломался от боли надвое и не мог встать. Алкогольная абстиненция хуже наркотического отходняка, хуже кумаров – на них не бывает такой жести, как неприятие организмом следующей дозы и вполне реальной не соматической боли. Но, когда испытываешь эти состояния одновременно, решение приходит само собой. Все остальное доделывают бессонница и страх. Я дотянулся до штанов, они валялись смятыми на краю кровати, достал жесткие снотворные и закинул всё, что осталось, полтора листа, просто чтобы избежать еще одной подобной минуты и неизбежности переживать это снова. На этом романтика суицида закончилась. Радовало одно: я не обоссрался – в желудке слишком пусто. Если труп обнаружат в первые сутки, может быть, нашедшего не вырвет прямо сразу.

Перед тем как проснуться связанным на казенном матрасе, среди полупарализованных овощей, накачанных аминазином, спящих с открытыми глазами с засохшей на щеке слюной, помню, как приехала мама, как била меня по щекам, как вызвала неотложку. Наверное, это случилось на вторые сутки сна. Моя толерантность к веществам привела к тому, что максимум того, что я испытывал после пробуждения, – это сильное головокружение и периодические провалы обратно в сон. Врач скорой даже не увидела необходимости делать промывание, она просто вызвала санитаров. Меня довезли до больницы им. Алексеева, ополоснули холодной водой, затем связали, поставили капельницу с физраствором, и санитары немного поржали, что

на моем плече набит портрет Джека Николсона из фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Их смех – последнее, что я помню перед тем, как снова отключиться.

Около семи утра меня разбудили на раздачу таблеток и отвязали от железной кровати. «Для вас еще ничего нет», – из окошка сказала старшая медсестра. Сигареты изъяли. Нет ничего хуже, чем стрелять сигареты. Без никотина мозг не встанет на место, без него я не смогу продумать всех вариантов, как отсюда сбежать. К 16:00 приехала мама, привезла спортивный костюм, сигареты, еду и сборник древнекитайской поэзии. День был не приемный, внутрь ее не пустили, но она поговорила с врачом – высокой женщиной средних лет. Двадцать дней минимум из того долгого срока, по которому можно заехать по суициду. Теперь я должен проходить обследование, и, если будет принято решение, что все мои проблемы имеют наркологический характер, меня выпишут с предписанием пройти лечение в районном наркодиспансере. Если найдут что-то еще, то по решению врача... Это может занять пару месяцев. Рекомендованный минимум – четыре недели. Все это я узнал по телефону – мне разрешили сделать один звонок.

В закрытой психиатрии сутки длятся иначе. Ту же особенность можно прочувствовать, пожалуй, только в поезде дальнего следования, где время словно растягивается по всему полотну российских железных дорог. Разве что здесь не объявляют остановок. Ехать можно первым, вторым и третьим классом. Первым чуть проще: доступен чай и тамбур, где можно курить и смотреть в окно. Второй класс – это состояние повышенного внимания со стороны персонала, одно неверное движение переведет тебя в третий. Третий – это тугие ремни и накачка аминазином в таких количествах, что по состоянию ты ближе к багажу, чем к живому пассажиру купе, с перспективой проехать в таком виде весь маршрут. Проблема третьего класса еще и в том, что нередко именно те, кто путешествует таким образом, становятся самыми заядлыми странниками.

Фрагмент памяти 6

Спустя сутки из палаты для буйных меня перевели в четвертую после косметического ремонта. Мне «повезло» въехать в нее первым – впрочем, думаю, что первым там поселился запах сырого постельного белья. Я занял место у окна, за шкафом. Когда не хотелось никого видеть, я мог лечь головой к шкафу и смотреть в окно. Если же становилось совсем скучно, можно было переместиться и смотреть, как медсестры ходят по коридору, и слушать обрывки их разговоров о доме и новостях из телевизора, что было единственным отголоском того мира, в котором я пребывал раньше. Судя по их болтовне, местечко тоже на любителя.

По ночам в палате выключали свет и я слушал тяжелый храп шизофреников – видимо, сердце не сходит с ума и чувствует, в какой западне оказался его носитель. По храпу пациентов можно смело предположить, что их сердца перегружены. Вероятно, для многих из них очередь за бесплатной таблеткой подходит к концу. Сначала я пытался читать в темноте, при свете фонарного столба с улицы, древнекитайскую поэзию. На третьей странице сдавался и закрывал книгу. Хотя суть этого чтения – верный рецепт не оказаться здесь. Раньше я этого не замечал.

За сложностью каллиграфии и внешней простотой формулировок кроется то, что принято называть «глубинными смыслами». Но, чем глубже ты ныряешь в поток своего сознания за древней поэтической мыслью, тем сильнее теряешься при всплытии. Попытка понять – вот явный признак отклонения: если не чувствуешь сразу, не стоит лезть в это дело. При таком подходе все учение проходит мимо. Здесь применим исключительно противоположный метод – поверхностный и лишенный симпатии к седобородым старцам. Тогда-то и приходит понимание: китайцы циничны, китайцы злы, у них племенное сознание, они никогда не умирают, их эго не погружено в одну биологическую особь – оно продолжается в фамилии. Квадратик, две черточки, нисходящая кривая, рассекающая треугольник. Династия Тиань, смерть сотен тысяч предков на плантациях и фабриках, упорство на пути к смерти, выраженное в каллиграфическом знаке, от отца к сыну. Их древние книги – это диверсия в культуру европейца и всякой единицы самосознания. Подмена индивидуального разума разумом коллективным, но выраженным от первого лица – мудреца с седой бородой, изначально вызывающего доверие своим опытом, аскезой и тем, что его философское наследие сохранилось в веках. В итоге они вторгаются в сознание, как паразиты из китайских чаев для похудения, что пожирают организмы худеющих красавиц изнутри. Все просто: тебя нет, не гони, будь предан господину, сохраняй спокойствие, работай, умри, тебя нет. Квадратик, треугольник, еще несколько штрихов – на большее не рассчитывай, обдолбанный наркотой европеец. Мы привезем еще спайсов – расстели циновку и приготовься отдать концы. Суть учения Древнего Китая очень проста – они не для того закопали 100 000 000 000 человек при строительстве Великой стены, чтобы вместе учиться прекрасному. Сегодня продукты их экспорта – костюмы «Адидас» со следами фенольных смол, спайс, Конфуций и глисты. И все уже подсели, внешний долг твоей страны в юанях скоро нагнет всю твою семью. Хотя подсказка все же была: «Если ты встретишь учителя, убей его».

Однажды я видел, как в туристическом лагере на Алтае даосист под водкой разбил жене лицо в кровь. Сначала я решил, что это просто огненная вода, но затем это повторилось, когда огненная вода закончилась. Прямо с утра. Этот чувак с бородкой, в общем-то, и был основателем лагеря, таким образом мы изучали даосизм. Во многом поэтому я как-то быстро остыл к китайской поэзии. Но, наверное, главная причина в ее чрезмерной саркастичности. В этом смысле с ней не сравнятся даже санитары в психушке – хотя они-то знали толк в сарказмах. Закрывая книгу, порой я вглядывался в потолок в попытке понять, откуда на нем следы крови, проступающие сквозь свежую побелку. Потом я узнал, что эти пятна были результатом шутки санитаров. Рецепт ее был очень прост: особо буйный пациент поступил с уже отбитыми в

мусарне почками, парень вернулся с Гоа и утверждал, что он гражданин мира. Его крепко связали, утку для отправления нужд подсунили прямо под него, за несколько дней в ней собралось много окровавленной мочи, менять утку никто не хотел, это поручили блаженному Алеше. Алеша, вместо того чтобы донести это до уборной, решил устроить в палате фестиваль красок, на то он и был блаженным. Но ни в каком случае я не поставил бы на то, что Алеша мог справиться с этой задачей, – я, человек который знал его несколько дней. Санитары знали его существенно дольше, но все же поручили эту миссию именно ему. В чем же здесь шутка? Ни в чем. Алешу тоже связали и закололи на соседней койке. Все две недели, что Алешу выворачивало на вязках, парни в квадратных шапочках ходили в улыбках. А медсестры этого словно не замечали. Они любили китайские резиновые тапочки, которые звонко шлепали по линолеуму, когда эти крупные белые женщины среди ночи ходили курить. Завести с ними разговор примерно так же просто, как следовать советам Конфуция. На всех без исключения больных они смотрели сквозь, словно разглядывая стенку у тебя за спиной. Местные знали: в действительности всё это заразно и лучший фильтр, через который можно воспринимать острого шизофреника с голосами, отнюдь не сочувствие, а безразличие. И единственный способ сохранить разум – это поменьше тусить с натуральными психами. Ведь лучшее тому подтверждение – один из корпусов больницы, полностью укомплектованный бывшими ее сотрудниками.

Здесь все: и безобидные, выброшенные социумом сорокалетние дети с развитием пятилетних, которые не понимают, почему их всю жизнь бьют, связывают и закалывают нейролептиками, и, конечно же, шизофреники, с голосами и навязчивыми состояниями. Не все из них дрочат в туалете, глядя в окно на пересекающих за двенадцать секунд внутренний дворик посетительниц. Но все они без исключения готовы порвать друг друга за пульт от телевизора в комнате отдыха. Это их бойня за доступ к «внешнему миру». Правда, разногласия случаются относительно редко, все они предпочитают один и тот же канал – НТВ – с сообщениями о чернухе, убийствах на бытовой и сексуальной почве и скандалами из жизни деятелей шоу-бизнеса. После будоражащего просмотра вечерний прием препаратов. Буйным колют транквилики и затягивают ремешки, все успокаиваются и больше не орут. Всё снова в норме. И единственное, чем это шоу отличается от нашего, – система вознаграждения.

В те дни, когда кого-нибудь не кроет истерика, этот мир не становится уютнее, но с наступлением темноты его натуралистические подробности немного отступают. Невыносимым его делает поправка на бесконечность, ведь каждый день в точности повторяет предыдущий, что, пожалуй, и является собой основной терапевтический эффект – воля подавляется полным отсутствием возможности хоть как-то повлиять на режим содержания.

В столовой все сидели по интересам, отдельный стол был даже для двойников Курта Кобейна. Как и палата. Их словно подобрали по росту и длине волос. Самый живой из них все время ходил в пижаме, с растрепанными волосами и одичавший от транквиликов. Он как раз был невероятно похож на солиста «Нирваны» в лучшие годы и редко снисходил до общения с кем-либо, кроме практикантки, что стояла по утрам на выдаче колес и микстуры. С ней, в общем, и я старался быть в хороших отношениях.

Второй «Кобейн» почти все время был на вязках и просто не мог отойти от аминазина, без которого становился чересчур агрессивным. С третьим я иногда пересекался в курилке. Он утверждал, что он рок-звезда и уже давно никому ничего не должен, ему двадцать девять и он сделал для отечественной техносцены всё, что мог, и выжат без остатка. В силу этих причин он часто ругался с близкими по мобильному телефону. Последние лет пять он не покидал пределов дома, плотно засев в программе «кубейс». Возможно, причиной этого стала глубокая наркотизация организма. Всё было ничего, пока вдруг он не стал агрессивен – сюда его сдали мать и младшая сестра, опасавшиеся за собственную жизнь. Парню всерьез казалось, что миру пора вернуть ему должок, но сейчас он был согласен на самую малость – чтобы его просто

забрали отсюда. Он клялся быть милым и добрым, но через три секунды разговора снова срывался на крик. Таким образом, его прорубало относительно часто, ведь транквилизаторы на крепкий чай порождают гон. Закуривая новую сигарету, он начинал рассказывать истории из нормальной жизни, которая была до того, как он засел писать техно и стал администратором интернет-сообщества «дрочу и плачу», посвященного электронной сцене, в ЖЖ. Историй у него было много, и он охотно рассказывал их всем, кто сидел на корточках вокруг помойного ведра в туалете. Кто-то уже докуривал, вставал, выкидывал бычок и уходил прямо посреди рассказа, а я закуривал новую, чтобы дослушать до конца. Так вечер наступал чуть быстрее, кроме того, я и сам любил отечественную электронную сцену.

Однажды утром он просто подсел рядом на корточки и сказал:

«Поехали мы однажды с ребятами и Эллой забирать тело ее мужа из ногинской психушки. Женя – Фирма, я нормально с ним общался, из одной тусовки, он тогда после Казан-типа от всех свалил. Все еще в Крыму оставались, Элла тоже, а Фирма исчез без следа. Нашелся он в Ногинске, уже с биркой и на полке холодильника. Начало 2000-х, даже на гроб денег не было. Больничка согласилась отдать тело жене. Закололи его там чем-то, но я вполне допускаю, что он за этим туда и лег. Тело отдали. Сентябрь жаркий – как в Москву везти?.. Решили, что повезем на электричке. Посадили тело на лавочку, шапочку надвинули на глаза, сбоку – Фил, с другого – Алекс, все под фентанилом, а Фирма с понтом тоже нахлобучился, голову скосил, с понтом заливает. Ну, едем, ближе к Москве народу набилось, и дед какой-то, грибник, грубо так начал нас щемить: “Чего вы тут курите? Баба ваша плачет. Этого наркомана будите, он уже синий”. Мы ржем: “Дед, а ты сам на него наори, может, проснется...” Элла в слезы еще сильнее. Справку достала, в лицо ему тычет: “Вот свидетельство о смерти!” Дед побледнел, давка в проходе была основательная, упасть ему было некуда, так что он просто немного осел». Когда он закончил свой рассказ, в курилку вошел тот, кто занимал отдельную палату и был белее всех простыней этого заведения, такими же были его волосы и, казалось, глаза, хотя на вид парню было тридцать с небольшим. Ему быстро дали кличку Кефирчик, сам он ничего не говорил, и я думаю, эта кликуха была связана именно с цветом его лица. Правда, через одну ночную смену от санитаров стало известно, что парень просто очнулся по белке с забальзамированным дельфином, украденным из кунсткамеры одним дождливым утром. Это породило массу слухов на этаже: о вреде алкоголя по акции, о том, что Кефирчик теперь точно никогда не будет пить и закусывать рыбными консервами... Эти бредни не закончилось бы никогда, если бы в блатную двухместную палату к Кефирчику не завезли санитаря из другого отделения, дабы вывести того из острого запоя перед проверкой руководства.

Посмотреть на связанного санитаря хоть одним глазком приходили даже сами санитары. Для всех это было чем-то вроде отдушины: психи чувствовали пик исторического возмездия, санитары видели в этом возможность дополнительного оплачиваемого отпуска и смотрели с легкой завистью, для медсестер это было настоящее таинство, а для меня – возможность побыть в тишине, поскольку все кучковались там, где санитару предстояло отойти от запоя и проснуться связанным в одной палате с Кефирчиком. И я никак не вправе осуждать тех, кто жаждал этого момента всю здешнюю жизнь.

Нище однажды сказал: «Пиши кровью». Кровью в этих стенах был уделан потолок. Конкретно этот пацан, как и многие здесь, просто исчез для социума. В его историях часто фигурировали друзья, что откинулись в каком-то плохо освещенном подвале в самый разгар вечеринки, – рядовая ситуация для молодежи восьмидесятых годов рождения, смерть на рейве воспринималась чем-то вроде ДТП. Только в данном случае ДТП было массовым и люди сами и с большой охотой бросались под колеса. Это была смерть под драм-машиной. Таблетки я чаще сплевывал в унитаз. С пристрастием за мной не следили, поэтому я мог это делать. Без колес хотя бы не возникало зверского аппетита, как у остальных набивающих кишку капустой.

У окошка раздачи я сидел из двух соображений: чтобы дать понять медсестрам, что аппетит у меня есть, следовательно, есть желание жить. Я старался съесть хотя бы треть, остальное отдать соседям по столу. Место у окошка давало возможность по-быстрому отдать тарелку обратно и взять добавки компота, ведь в действительности вонь вареной капусты и тридцати чавкающих сказочных персонажей, которые сожрали бы собственную блевотину, если бы ее разлили из пронумерованного бачка, и так неплохо отбивали чувство голода. Вид на внутренний двор тоже не располагал к тому, чтобы засиживаться в столовой: три голые осины, четыре ели, береза и мощенная бетонной плиткой тропинка. Картина у окна в точности повторяла этот пейзаж – картина в картине, яркий пример местного чувства юмора.

Через несколько дней ко мне в палату переселили самых тихих шизоидов, чтение Лао Цзы усложнилось: все они любили навязчивый треп с элементами нарциссизма. Особенно приставуч был героиновый бык из девяностых, с рассказами о стрелках. За двести долларов он калечил людей, пускал по кругу малолеток с Ленинградки и успел похоронить всех своих друзей, передознувшись уличным метадоном. Теперь он утверждал, что Сталин – вождь, утратив которого наш народ стал легкой добычей. Он даже находил в себе определенное портретное сходство со своим кумиром – по выходе планируя пойти в его двойники на Арбат, фотографироваться с корейскими пенсионерами. Он уже посчитал возможный навар и потирал ладошки. Ну, а пока его тоже мучили голоса.

По утрам я несколько раз имел счастье проходить различные тесты. В основном они были направлены на выявление моих ощущений: не кажется ли мне, что меня преследуют, не понимают, не оценивают по достоинству? Не подозреваю ли я заговоров? Какие страхи я испытываю? Жесток и враждебен ли мне окружающий мир? И что я собираюсь делать с этим, если это так? Эти весьма интимные вопросы коварно дублировали друг друга в разных формулировках: «Верно ли утверждение, что окружающие вас люди, члены семьи настроены против вас враждебно?», затем пять-шесть других вопросов и снова: «Не верно ли утверждение, что члены вашей семьи настроены против вас враждебно?» В первом случае нужно ставить галочку в графе «нет», во втором в графе «да, неверно». Вопросов сто шестьдесят, то есть в действительности эту сумму нужно разделить на два – восемьдесят вопросов, провокационно повторяющих одно и то же. «Не поехавший ли ты настолько, чтобы признаться, мир – это циничный заговор против тебя, и ты не собираешься спускать ему этого. Ты будешь уличать в этом всех и вся, а когда придет время,пустишь кровь, реки крови. Ведь на тебя возложена особая миссия – справиться с курением на лестничной клетке, изболочить как можно больше внутренних врагов и членов их семей». Во время заполнения этого теста опасно проявлять небрежность. Психиатрия – наука консервативная и по-прежнему носит карательный характер: миссию приостановят и вгонят в тебя столько препаратов, что по выходе существует риск вообще с трудом вспомнить, кто ты. Придется все начинать сначала. Также мне довелось нарисовать много картинок и прокомментировать чужие. Ряд устных бесед содержал в себе все тот же предмет для обсуждения, что и в тестах. Только, в отличие от тестов, врач-психиатр внимательно отслеживает все реакции, и где-то под его располагающим и дружелюбным взглядом, где-то под столом, по которому он, то и дело меняя ритм, постукивает шариковой ручкой, есть условная педаль спуска человека на самое дно социальной иерархии – «недееспособность». Поэтому лично я не стал искать в психиатре интересного собеседника и уж тем более изливать ему душу. Отсутствие враждебности, немного самокритики, немного самоиронии, наличие крепких социальных связей и беспокойства, связанного исключительно с уровнем материального достатка. Желание зарабатывать чуть больше, чтобы быть полезным если не обществу, то хотя бы своей семье и будущей избраннице. С патриотизмом лучше не пережимать, патриотизм хорош лишь в качестве вишенки на торте – абсолютной и хладнокровной лжи. Если же преподнести его как один из основных ингредиентов, фатальные последствия не заставят себя ждать.

Ваш лечащий врач с ипотекой и зарплатой в двадцать три тысячи рублей, за вычетом налога за бездетность, вас тут же уничтожит, задав простой вопрос: «Как вам цвета российского флага?»

Разумеется, самокритика не должна обходить проблем наркологического характера. Это болезнь, которую не стоит отрицать, но здесь кроется ловушка, попав в которую всё предыдущее построение может рухнуть. Если врач спрашивает о причинах наркотизации организма, не стоит отвечать честно, достаточно сослаться на баловство спиртосодержащими напитками в старшей школе. Опытный врач знает, что в подростковом возрасте зависимость наступает быстро с высокой вероятностью и без каких-либо дополнительных причин, кроме самого употребления. Вот рецепт, как случайно не приобрести дополнительного диагноза, кроме алкоголизма или наркомании. Если же ты под следствием или преследуешь какие-то другие цели – например, получение пенсии по инвалидности через психушку, – следует исходить из обратного и честно рассказать, что чувствуешь, как к твоему мозгу плавно подъезжает пиздец. Но не стоит воспринимать это критично. Это вносит разнообразие, спасает от уныния и придает энергию, когда все против тебя, даже эти унылые, серые дни. Однако для бойца по жизни эти внезапные порывы бодрости – не что иное, как скрытые ресурсы организма и результат все того же бойцовского характера. Весь драматизм ситуации заключается в том, что любой мало-мальски образованный человек способен варьировать свои показания из соображений собственной выгоды, настроения или внезапно попав под влияние «субличности», которая в той или иной степени присутствует в каждом. Исходя из этого принципа, психиатры абсолютно безграничны в процессе принятия решений на тот или иной счет. Добросовестные профессионалы, конечно, руководствуются принципом социальной опасности, которую потенциально представляет собеседник, но не стоит забывать, что бывшие добросовестные профессионалы отдыхают в соседнем корпусе не по туристической путевке. И никто с точностью не знает, когда начался процесс у того или иного специалиста и сколько диагнозов написано не без помощи внезапного вдохновения. Психиатрия – чрезвычайно опасная наука. Шутки в сторону – попадать под ее прицел ровно то же самое, что полностью доверять свою судьбу незнакомцу, последняя капля терпения которого, возможно, иссякла вчера.

В моем случае эта была незнакомка. Примерно на четырнадцатый день врач постановил, что мой случай – следствие злоупотребления амфетаминами и алкоголем. Меня обязали пройти лечение в наркодиспансере по месту жительства и попросили больше не возвращаться, оставив еще на три дня, чтобы в понедельник сделать электроэнцефалограмму. Основную часть таблеток я по-прежнему выбрасывал, оставляя только фенибут, разработанный в СССР специально для космонавтов, дабы им преодолеть страх перед космосом. Эти таблетки я уважал всегда и при любых обстоятельствах. Страх космоса меня не покидал с детского сада, но все же больше настораживала долгая прелюдия перед стартом.

Ночами я много курил в туалете и общался только с дядей Сашей. Все без исключения таблетки он бросал в унитаз и тоже подолгу не мог уснуть. Дядя Саша заехал по белке и, как и я, шел на выписку к среде. Дурка его совсем не напрягала, после пятнадцати лет лагерей он воспринимал ее как курорт. На воле его работа заключалась в рытье могил на Даниловском кладбище. Престижно, но возраст для лопаты уже не тот – в общем-то, «тем» он никогда и не был. Разве может быть хорошим время, когда пьешь водку в ожидании «клиента», которого надо закопать. Особенно в минус двадцать, когда земля – сплошной камень. Могильщики не слишком жалуют тех, кто решил умереть зимой: хороший клиент умирает летом, в качестве комплимента его закапывают поглубже. Вообще-то дядя Саша был похож на Карлсона из советского мультфильма: низенький, любит сладкое, с такой же, слегка взъерошенной прической. Его голос и улыбка удивительным образом сочетали доброту и лукавство. От Карлсона его отличали только проплешины – алма-атинские мусора еще в восемьдесят втором году в ИВС так сильно выдрали ему волосы, что они больше не росли, – и татуировки, из которых выяснялось, что дядя Саша, в прошлом злостный рецидивист, любил девушку Галю и страдал нар-

котической зависимостью, теперь видимо, изжитой. Сейчас ему под шестьдесят. Денег у него не было даже на метро, чтобы доехать от больницы до дома. Это его всерьез беспокоило до тех пор, пока он не узнал, что ему полагается справка – комплимент из дурдома, – по предъявлении которой его обязаны один раз пустить в метро бесплатно. На предплечье правой руки, в районе центральной вены, у него было написано: «Пейте суки кровь мою», а на левой продолжение – «Устали из правой, пейте из левой». И еще дядю Сашу отличал от Карлсона тот факт, что Карлсон не хотел наколоть блаженному Алеше, неумоимо собиравшему бычки в туалете, на жопе улей, а себе на член – пчелку, после чего склонить Алешу к сексуальной близости, а дядя Саша хотел. Алеша и впрямь подчас напрягал своей привычкой сидеть на корточках ровно напротив и смотреть на тебя в упор, чтобы не упустить момента, когда ты бросишь окурок. Одно я про дядю Сашу знал точно – очень самоотверженный человек: у меня бы на Алешу не встал, а у дяди Саши – да. Такое спокойствие он излучал, когда говорил об этом. И если дядя Саша смог бы лупить в жопу с дистрофичным, иссиня-белым, всегда в испарине Алешей с мертвенными глазами, то решительно дядя Саша мог выебать абсолютно всё. На таких людях земля русская и держится. Их совершенно не волнует эстетическая составляющая, именно они размножаются во всех хрущевках, во всех промзонах страны, положив друг другу на спину порножурнал, выпив технического спирта или отбив опий из маковой соломки, запивая чиффирем вафлю с джемом. Так что для них после сто первого километра МКАД ад – не более чем новые грибные места.

Вечером в столовой я смотрел MTV, показывали РНБ-клип с черными женщинами, дядя Саша сел рядом и спросил:

– Интересно, у негритянок ладошки белые? У меня вот никогда не было черной, а я бы хотел.

В принципе, именно это я и собирался вспомнить, как только выйду, – осуществить мечту дяди Саши.

В ночь перед выпиской к нам в палату заселили варщика – сразу после хирургии, от него еще немного несло поджаренной плотью. Врачи сочли, что обожженное до костей лицо, череп в бинтах и обгорелые руки – это не так страшно, как винтовой психоз. А этого парня он накрыл прилично. Когда он не ворочался, то приседал и стучал зубами в попытке жевать дырявые щеки.

Надо сказать, все мы, обитатели этой палаты, с нетерпением ждали, когда его муки хотя бы на время приостановят. Несколько часов спустя пришла самая опытная медсестра с двумя санитарями, его связали и вкололи два куба аминазина. Обыденно и привычно медсестра Надежда сделала инъекцию, не выпуская из рук чашечку растворимого «Нескафе голд», улыбаясь молодым санитарам, как в групповой семейной рекламе. От ее присутствия и запаха кофе веяло спокойствием и благополучием, она сделала все быстро и удалилась, немного виляя жопой, словно зная, что, как только она выйдет, половина обитателей, которые еще способны на это, начнут гонять лысого. Увы и ах, так оно и случилось. В палате, где запах обгорелой плоти был существенно сильнее всех прочих, нашлись те, для кого это не стало помехой, чтобы кончить. В виде исключения нам открыли форточку, впервые за последнее время я услышал вечернюю Москву.

В туристических путеводителях часто пишут, что это город контрастов, но никто не уточняет каких.

Ночь я провел в туалете, дышать сладковатым запахом нового соседа было невыносимо. Алеша сидел напротив и внимательно следил за каждым движением – сигареты, которые я дал ему накануне, не спасли. Он просто спрятал их или выкурил все сразу и теперь хотел новый бычок. К Алеше я как-то привык, не скажу, что он был хорошим собеседником, но чем-то вроде постоянного спутника. Я мог закрыть глаза и надолго погрузиться в собственные мысли, стоило открыть их – Алеша сидел на том же месте. Сначала меня это тревожило, затем я вовсе

перестал обращать на него внимание. Кто-то предпочитал опрокидывать его ногами на пол или же орать, но ощутимого результата это не имело – Алеша не держал обид. Если его били, он вставал и занимал прежнюю позицию без всякого озлобления. Боялся он только санитаров, которые могли связать его на несколько недель – тут уж не покуришь, других радостей у него, вероятно, не было. Возможно, они существовали в прошлой жизни, но кто это знает: Алеша ведь совсем не разговаривал. Так мы и сидели вдвоем. Затем приходил мучимый бессонницей дядя Саша, устраивался на корточках с другой стороны ведра для окурков, и наши фигуры образовывали треугольник с ведром посередине. Медсестры, отдавая должное тому, как тихо мы сидим, иногда шли на уступки. Мы с дядей Сашей заваривали чай в сестринской. Затем возвращались и снова сидели вокруг ведра – при взгляде сверху это выглядело подобием причудливых живых узоров, выстраиваемых спортсменами при открытии олимпиад. Только спортивные состязания смотрят болельщики, а на нас сверху глядели пролетающие мимо души навсегда покидающих эти стены. Лифт, спускающий тела в морг, гудел как раз за стеной. Если мы слышали, как его включали, – значит, для кого-то мы становились символом закрытия этой, нашей, «олимпиады», где рекорды ставились не по прыжкам в длину под допингом, а по допингу в чистом виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.